

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

№ 1 (51)/2018

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия Пер. ПИ № ФС77-35940 от 31 марта 2009 г. Издается с 2007 г., 4 раза в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредители:

Республиканский НИИ интеллектуальной собственности (РНИИС)
ИГ «Юрист»

Редакционный совет:

Лопатин В.Н. (председатель),
Борисов Б.М., Гаврилов Э.П., Федотов М.А.

Редакционная коллегия:

Зенин И.А. (главный редактор),
Городов О.А., Калятин В.О., Лосев С.С.,
Мухамедшин И.С., Оморов Р.О., Орлюк Е.П.,
Синельникова В.Н., Султангазин А.Ж.,
Шалаев Д.С.

Адрес редакции:

115184, Москва, ул. Большая Татарская, 35, с. 3.
РНИИС.

Тел./факс (495) 238-40-83

E-mail: journal@rniis.ru

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного

редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88

многоканальный

Тел./факс редакции:

(495) 953-91-08.

Адрес для корреспонденции:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано

в ООО «Национальная полиграфическая
группа», тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ. печ. л. – 6. Усл. печ. л. – 6.

Общий тираж 1000 экз.

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» – инд. 36923,
Объед. каталог (АРЗИ) – инд. 91904
а также через www.gazety.ru.

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Плата с авторов за публикацию статей
не взимается. Цена свободная. ISSN: 2072-4322
Номер подписан: 22.03.2018 г.

Номер вышел в свет: 30.05.2018 г.

© РНИИС, ИГ «ЮРИСТ», 2018

В НОМЕРЕ:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Зенин И.А. Гармония и диссонанс справедливости, морали и публичного порядка в российском праве интеллектуальной собственности 4

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Матвеев А.Г. Природа права на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений 11

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Стрелкова И.И. Регистрация средств индивидуализации в рамках Евразийского экономического союза 17

ЭКОНОМИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Никитенко С.М., Месяц М.А., Демиденко К.А. Залоговые сделки с правами на объекты интеллектуальной собственности: зарубежная и отечественная практика 21

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Ханкевич А.Г. Условия эффективного управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке 27

Булетова Н.Е., Шаркевич И.В. Оценка результатов инновационного развития российских регионов (на примере Южного федерального округа) 31

Трофимов В.В. Региональный уровень государственно-правовой политики в сфере инновационного развития современной России (проблемы реализации прорывной формы) 37

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

Яценко Т.С. Добросовестность как объект доказывания в доменном споре 42

КОНФЕРЕНЦИИ

Русский Давос — 2018 47

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

No. 1 (51)/2018

SPECIALIZED INFORMATION-ANALYTICS EDUCATIONAL LEGAL JOURNAL. Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with the Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage Reg. Pl № FC77-35940 of March 31, 2009. Published since 2007, 4 issues

The journal is included into the list of reviewed scientific journals where basic results of candidate and doctoral theses shall be published.

Founders:

Republican Science Research Institute
of Intellectual Property (RSRIIP)

Publishing Group "JURIST"

Editorial Board:

Lopatin V.N. (Chairman), Borisov B.M.,
Gavrilov E.P., Fedotov M.A.

Editorial Staff:

Zenin I.A. (Editor), Gorodov O.A., Kalyatin V.O.,
Losev S.S., Mukhamedshin I.S., Omorov R.O.,
Orlyuk E.P., Sinelnikova V.N., Sultanganzin A.Zh.,
Shalaev D.S.

Editorial Office Address:

35 bild. 3 Bolshaya Tatarskaya Str. (RSRIIP),
Moscow, 115184

Tel./fax (495) 238-40-83

E-mail: journal@rniis.ru

Editor in Chief of Publishing Group

"JURIST": Grib V.V.

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading

Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 multichannel

Tel./fax of the Editorial Office:

(495) 953-91-08.

Correspondence Address:

Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb., Moscow,
115035

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by LLC "National Polygraphic Group",
tel. (4842) 70-03-37

Size 60x90/8. Offset printing.

Printer's sheet – 6.

Conventional printing sheet – 6.

Circulation – 1000 copies.

Subscription in Russia:

Rospechat' – 36923, United catalogue – 91904.

www.gazety.ru.

Complete or partial reproduction of materials
without a prior written permission of authors
of the articles or the editorial office
shall be prosecuted in accordance with law.

Free market price. ISSN: 2072-4322

Passed for printing: 22.03.2018.

Published: 30.05.2018.

© RSRIIP, PUBLISHING GROUP "JURIST", 2018

CONTENTS:

ISSUES OF THEORY

Zenin I.A. Harmony and Dissonance of Justice, Moral and Public Order
in the Russian Intellectual Property Law 4

COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Matveev A.G. The Nature of the Right to Remuneration for Free Playing
of Audio Records and Audiovisual Works 11

INDIVIDUALIZATION MEANS

Strelkova I.I. Registration of Individualization Means within the Eurasian
Economic Union..... 17

INTELLECTUAL PROPERTY ECONOMY

Nikitenko S.M., Mesyats M.A., Demidenko K.A. Pledge Transactions
with Intellectual Property Rights: Foreign and National Practice..... 21

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT

Khankevich A.G. Conditions of Efficient Intellectual Property
Management on the Stock Market..... 27

Buletova N.E., Sharkevich I.V. Assessment of Results
of Innovative Development of Russian Regions (on the Example
of the Southern Federal District)..... 31

Trofimov V.V. The Regional Level of the State Legal Policy
in the Innovative Development of the Modern Russia (Law Making
Form Implementation Issues) 37

LEGAL PROTECTION

Yatsenko T.S. Good Faith as an Object of Proving in a Domain Dispute..... 42

CONFERENCES

Russian Davos 2018..... 47

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лопатин Владимир Николаевич – председатель совета, научный руководитель Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, председатель межгосударственного (МТК 550) и Национального технического комитета по стандартизации «Интеллектуальная собственность» (ТК 481), доктор юридических наук, профессор;

Борисов Борислав – директор Института интеллектуальной собственности и лидерства Софийского университета национального и мирового хозяйства, доктор экономических наук, профессор (Республика Болгария, София);

Гаврилов Эдуард Петрович – член совета, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор;

Федотов Михаил Александрович – член совета, советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зенин Иван Александрович – главный редактор, заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИС, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, патентный поверенный РФ, член Международной ассоциации интеллектуальной собственности (ATRIP, Швейцария), доктор юридических наук, профессор.

Члены редколлегии:

Городов Олег Александрович – член редколлегии, профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, судья Третьего суда интеллектуальной собственности при Корпорации РНИИС, доктор юридических наук, профессор;

Калитин Виталий Олегович – член редколлегии, главный юрист по интеллектуальной собственности УК «РОСНАНО», старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории по информационному праву факультета права НИУ ВШЭ, профессор Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, член Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, заместитель руководителя Общественного совета при Федеральной службе по интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук;

Лосев Сергей Сергеевич – член редколлегии, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук;

Мухамедшин Ирик Сабиржанович – член редколлегии, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического факультета Российской государственной академии интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, профессор;

Оморов Роман Оморович – член редколлегии, советник Генерального директора СЭЗ «Бишкек», член-корреспондент Национальной Академии наук Кыргызской Республики, доктор технических наук, профессор;

Орлюк Елена Павловна – член редколлегии, директор Научно-исследовательского института интеллектуальной собственности Национальной академии правовых наук Украины, профессор кафедры административного и финансового права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины;

Синельникова Валентина Николаевна – член редколлегии, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности РНИИС, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета права НИУ «Высшая школа экономики», член Экспертного совета по праву ВАК при Минобрнауки России, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, доктор юридических наук, профессор;

Султангазин Ануарбек Жалелович – член редколлегии, председатель правления АО «Фонд науки» Республики Казахстан, академик естественных наук, доктор экономических наук;

Шалаев Дмитрий Сергеевич – ответственный секретарь журнала «Право интеллектуальной собственности», ведущий научный сотрудник РНИИС, кандидат экономических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

Уважаемые авторы! При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования:

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы, присланные по почте, в том числе по электронной почте, или представленные в журнал на бумажном носителе в следующих объемах: статья – 7–10 страниц, обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц, иные материалы – по согласованию с редакцией.

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров: текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала; размер шрифта основного текста – 13; сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 10; поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см.

3. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами, например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное (без сокращения) наименование (в том числе – не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, однако дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

4. В статьях допускается использование только концевых сносок (постраничные сноски должны быть исключены). Сноска по тексту статьи должна иметь вид: [1, с. 5]. С учетом требований включения во всемирные базы данных Web of Science и Scopus, которые являются наиболее значимыми с точки зрения цитирования авторов, в статье на русском и английском языках представляются следующие данные: заглавие статьи, аннотация, ключевые слова, список источников, сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место учебы (университет, специальность, курс), работы (организация, должность), ученая степень, научное звание, адрес электронной почты. В статье сначала следует информация на русском языке, затем на английском языке («Аннотация», затем – Abstract, «Ключевые слова», затем – Key words, после текста статьи «Список источников», затем – References).

Аннотация (Abstract):

- компактная (объем: 200–250 слов);
- информативная (не содержит общих слов);
- оригинальная (не является калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
- содержательная (отражает основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированная (следует логике описания результатов в статье, содержит следующие пункты: освещение проблемы (Purpose), материалы и методы исследования (Methods), результаты (Results), дискуссия (Discussion));
- написана качественным английским языком;
- необходимо следовать хронологии статьи и использовать ее заголовки в качестве руководства;
- текст должен быть связным, с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т.д. (consequently, moreover, for example, the benefits of the study, as a result);
- необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. "The study tested", но не "It was tested in this study".

Ключевые слова (Key words)

Количество ключевых слов должно быть не менее 15.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Список источников (References)

В списке источников и References количество источников должно быть не менее 10. При этом в References не включаются документы без авторства (законы, иные нормативные правовые акты, указы, рекомендации).

Методика, что переводить, что транслитерировать

При ссылках на статью транслитерируется фамилия и имя автора.

Транслитерируется и переводится название журнала.

Название статьи переводится.

Пример ссылки на статью в журнале:

1. Zhbankov V.A. Tamozhenny'e prestupleniya: ponyatie i svoystva [Customs Crimes: Notion and Attributes] / V.A. Zhbankov // Publichnoe i chastnoe pravo – Public and Private Law. 2012. № 2. S. 77–81. *Порядок указания статьи: Название. Год. Номер. Страницы.*

При ссылках на монографию, книгу транслитерируется название источника, в скобках указывается перевод названия.

Пример ссылки на монографию, книгу:

1. Rolik A.I. Narkoprestupnost: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy' : monografiya [Drug Crime: Criminal Law and Criminological Issues : monograph] / A.I. Rolik, L.I. Romanova. Vladivostok : Izd-vo Dalnevostochnogo un-ta – Vladivostok : Publishing house of the Far Eastern University, 2016. 448 s. *Порядок указания книги, монографии: Название. Город. Изд-во. Год. Страницы.*

5. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся: фамилия и полные имя, отчество автора; должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.); ученая степень (при наличии); точные контактные данные: адрес – служебный и (или) домашний, с индексом; телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (при наличии).

6. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений.

7. Настоятельно рекомендуется авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

8. При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не возвращаются. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются.

Вниманию наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс» или на сайте журнала «Право интеллектуальной собственности»

Гармония и диссонанс справедливости, морали и публичного порядка в российском праве интеллектуальной собственности

Зенин И.А.*

Цель. Кодификация прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не пресекла их обсуждение как «интеллектуальных прав» на «интеллектуальную собственность». Сохраняется необходимость совершенствования данных прав в рамках реформирования и модернизации ГК РФ. Целью статьи является обоснование их оптимального регулирования и размещения в массиве всего гражданского законодательства.

Методы: наряду с такими классическими общенаучными и частнонаучными методами, как в частности, анализ и синтез, индукция, дедукция, формально-юридический и сравнительно-правовой, используется метод оценки права интеллектуальной собственности сквозь призму категорий справедливости, морали и публичного порядка в аспекте их согласованности (гармонии) или несоответствия (диссонанса).

Результаты. По итогам исследования обосновываются меры по совершенствованию российского законодательства об интеллектуальной собственности системно-структурного, содержательного и категориального характера.

Ключевые слова: справедливость, мораль, публичный порядок, гармония, диссонанс, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, исключительные права, секрет производства (ноу-хау), авторское право, смежные права, патентное право, средства индивидуализации, договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор, право на технологию.

Purpose. The codification of rights to the results of intellectual activity and means of individualization in the fourth part of the Civil Code of the Russian did not stop their discussion as “intellectual rights” to “intellectual property”. The need remains to improve these rights in the framework of reforming and modernizing the Civil Code of the Russian Federation. The purpose of the article is to justify their optimal regulation and placement in the array of all civil law.

Methods: along with such classical general scientific and private scientific methods, in particular, analysis and synthesis, induction, deduction, formal legal and comparative legal, a method is used to assess the intellectual property right through the prism of categories of justice, morality and public order in terms of their coherence (harmony) or discrepancy (dissonance).

Results. Based on the results of the study, measures are being taken to improve Russian legislation on intellectual property of a system-structural, content and categorical nature.**

Keywords: justice, morality, public order, harmony, dissonance, intellectual property, intellectual rights, exclusive rights, the secret of production (know-how), copyright, related rights, patent law, means of individualization, agreement on the alienation of the exclusive right, license contract, the right to technology.

В праве интеллектуальной собственности как сверхбольшом институте (мегаинституте) гражданского права, учебной дисциплине, разделе науки правоведения, сфере осуществления и защиты прав основные проблемы связаны с самими правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (далее — РИД и СИ). Их кодификация под названием «интеллектуальных прав» на «интеллектуальную собственность» и по прошествии десяти лет с момента введения в действие посвященной им части четвертой ГК РФ не прекратила научное обсуждение данных прав.

Дополнительные возможности для оценки «pro et contra» («за» и «против») норм как части четвертой

ГК РФ, так и других отечественных, а также некоторых международных правовых актов дает взгляд на них сквозь призму категорий справедливости, морали и публичного порядка. Не случайно их роли в праве и практике интеллектуальной собственности посвящен очередной (37-й по счету) ежегодный конгресс Международной ассоциации по развитию обучения и исследований в области интеллектуальной собственности (ATRIP), намеченный на 5–8 августа 2018 г. в г. Хельсинки (Финляндия)¹.

¹ См.: Fairness, Morality and Ordre Public in Intellectual Property. 37th Annual Congress ATRIP. 5–8 August 2018. Helsinki, Finland.

* **Зенин Иван Александрович**, главный редактор, заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИИС, профессор кафедры гражданского права Юридического факультета МГУ, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, патентный поверенный РФ, член Международной ассоциации интеллектуальной собственности (ATRIP, Швейцария), председатель Третейского суда интеллектуальной собственности при Корпорации интеллектуальной собственности Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИИС). Электронный адрес: Ivan.A.Zenin@gmail.com

** **Harmony and Dissonance of Justice, Moral and Public Order in the Russian Intellectual Property Law**
Zenin I.A., Editor in chief, Head of Research Department of protection of intellectual property of the National Scientific Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP), Professor of the Department of Civil Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Emeritus Professor of Lomonosov Moscow State University, patent attorney (Registration number 14), a member of the International Association of Intellectual Property (ATRIP, Switzerland), a member of the scientific and technical council of the Federal Service for Intellectual Property and the Federal Institute of Industrial Property, the chairman of the Arbitration court of intellectual property at Corporation of intellectual property of the NSRIIP

Право интеллектуальной собственности как мера свободы в сфере охраняемых результатов умственного труда и фактической монополии на секреты производства (ноу-хау) органически связано с данными категориями.

Согласно общепринятым представлениям, справедливость — это понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния, прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания. Под моралью обычно понимается общепризнанная оценка хорошего и плохого, правильного и неправильного, добра и зла. Одновременно то и другое определяется с учетом необходимости обеспечения публичного порядка как основы правовой системы государства, в том числе в международном аспекте, в соответствии, в частности, с нормами ст. 1, 7 и других ГК РФ.

В юридической науке первостепенное значение придается категории «справедливость». Ей посвящены, в частности: докторская диссертация Д.Е. Богданова [1], его монография [2], монографии А.А. Соловьевой [3], В.А. Вайпана [4] и докторская диссертация С.А. Ивановой [5].

При этом данная категория иногда сама раскрывается через понятие морали: «справедливость, выступая как этическая категория, включает помимо духовно-ценностного, морального, также и социально-ценностный, и правовой аспекты отношений личности, государства и общества»; «справедливость по-прежнему считается отправной точкой для решения актуальных вопросов современной юридической науки». [4, с. 12, 13].

Комплексных исследований справедливости, морали и публичного порядка в системе российского права интеллектуальной собственности и ноу-хау в целом, и в ее отдельных институтах (авторском, патентном и т.п. праве и правах на средства индивидуализации) никогда не проводилось. Тем не менее априори ясно, что в данной системе имеют место и гармония, и диссонанс с указанными категориями, притом как в национальных, так и в международных границах.

Наиболее общая трактовка гармонии выражается в согласовании разнородных и даже противоположных (конфликтных) элементов. Напротив, диссонанс (или дисгармония) — это разлад, несоответствие, несогласованность чего-либо с чем-либо. Исходя из этого, гармония в сфере права интеллектуальной собственности и ноу-хау может определяться как соответствие авторских, смежных, патентных и иных правовых норм и норм о секретах производства (ноу-хау) существующим в обществе представлениям о праве, справедливости, морали и публичном порядке. В свою очередь, диссонанс может характеризоваться как несогласованность указанных норм с данными представлениями.

Гармоничной с публичным порядком, справедливостью и моралью представляется последовательная имплементация, т.е. включение в российское право авторских, патентных, смежных и других международных институтов, закрепленных, в частности, в Парижской конвенции по охране промышленной собственности (с 1965 г.), Стокгольмской конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (с 1968 г.), Вашингтонском договоре о международной патентной кооперации (с 1970 г.), Всемирной (Женевской) кон-

венции об авторском праве (с 1973 г.), Евразийской патентной конвенции (1994 г.), Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (с 1995 г.) и в Соглашении о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (с 2012 г.).

Благодаря этому российское право интеллектуальной собственности обогатилось такими институтами, как патентное право на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, смежные права, права на наименования мест происхождения товаров, а также категориями конвенционного приоритета заявок на объекты промышленной собственности, права преждепользования и права на перевод литературных произведений. Данные новеллы целиком отвечают условиям формирующейся в России рыночной (конкурентной) экономики и в этом смысле вполне гармоничны [6, с. 4–9].

На этом фоне явным диссонансом как имплементации международных институтов интеллектуальной собственности, так и особенно их двухуровневой законодательной форме стали в России тотальная кодификация в рамках части четвертой ГК РФ законодательства о правах на РИД и СИ и отмена всех шести ранее действовавших федеральных законов (об авторском праве, смежных, патентных и других правах).

В свое время известный специалист в сфере интеллектуальной собственности справедливо утверждал, что в «кодификационный акт» в данной сфере «не может быть включен весь массив норм об отдельных видах исключительных прав». «Поэтому кодификация здесь должна быть проведена на апробированной в гражданском праве и *единственно возможной* для него двухуровневой основе — принципиальные положения включаются в кодекс, их детальное раскрытие и развитие — в специальные законы» [7, с. XV]. Сейчас не в последнюю очередь именно отменой указанных федеральных законов объясняется внесение в часть четвертую ГК РФ 350 изменений и дополнений.

Гармонией с публичным порядком обладают нормы подп. 1 и 2 п. 6 ст. 1259 ГК РФ, исключающие из круга объектов авторских прав, в частности, официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований (законы, судебные решения и т.п.) и их официальные переводы, а также государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и т.п.), символы и знаки муниципальных образований. Публичному порядку отвечают также нормы п. 2 и 3 ст. 1349 ГК о непредоставлении правовой охраны, по общему правилу, изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну.

Одновременно с требованиями морали, справедливости и публичного порядка гармонично сочетаются нормы, ограничивающие по моральным соображениям охрану отдельных РИД и СИ, а также проявление недобросовестной конкуренции с применением исключительных прав на некоторые из них.

Согласно п. 4 ст. 1349 ГК РФ, гармонирующей, в частности, с п. 3 ст. 27 Соглашения ТРИПС, «не могут быть объектами патентных прав»: способы клонирования человека и его клон; способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека; использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях, а также любые другие патентоспособные в соответствии с п. 1 той же статьи результаты интеллектуальной

Настоящая статья является основой доклада ее автора на данном конгрессе под названием: «Fairness, Morality and Public Order in Intellectual Property: Harmony and Dissonance (Russian Experience)».

деятельности в научно-технической сфере, «если они противоречат общественным интересам, принципам гуманности и морали». По тем же соображениям «не допускается государственная регистрация «в качестве товарных знаков» соответствующих обозначений, если они в целом или их элементы противоречат указанным интересам и принципам (подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ).

В гармонии с требованиями публичного порядка ст. 14.4, 14.5 и 14.7 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» предусматривают запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на СИ, а также с использованием РИД либо с незаконным получением, использованием и разглашением информации, составляющей коммерческую тайну (т.е. ноу-хау).

Принципу справедливости гармонично отвечают нормы, закрепляющие на определенный срок за авторами изобретений, исполнителей, изобретателей и других РИД исключительные права с возможностью распоряжения ими как своеобразное вознаграждение за общественно полезный результат их труда, а также, в частности, за раскрытие для общества созданных ими патентоспособных объектов (ст. 1229, 1233–1238, 1270, 1307, 1308, 1358, 1365–1369 и др. ГК РФ).

Вместе с тем диссонансом представляется введение в часть четвертую ГК РФ таких неизвестных другим право порядкам «исключительных прав», как «право на секрет производства (ноу-хау)» (гл. 75), «право на технологию» (гл. 77) и установление наряду с «интеллектуальной собственностью» (ст. 128, п. 4 ст. 769, п. 1 ст. 1225, ст. 1246 и др.) самостоятельных категорий «интеллектуальных прав» (ст. 2, 1226, 1227 и др.) и «исключительных прав» (ст. 1226, 1229, 1233–1238 и др.).

О механическом распространении на секрет производства (ноу-хау) категории исключительно права свидетельствует целый ряд обстоятельств. Это, в частности: 1) установление возможности приобретения самостоятельного исключительного права на тот же самый секрет производства другим лицом (п. 2 ст. 1466 ГК РФ); 2) прекращение исключительного права у всех правообладателей с момента утраты конфиденциальности сведений, составляющих секрет производства (ст. 1467 ГК РФ); 3) в противовес ст. 1472 ГК РФ, декларирующей ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства, Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 97-ФЗ «О коммерческой тайне» (в ред. закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ) говорит об ответственности только за само неправомерное получение, разглашение или использование информации, составляющей коммерческую тайну; 4) не ясно, как можно проконтролировать по договору об отчуждении исключительного права передачу данного права «в полном объеме» (п. 1 ст. 1468 ГК РФ), если приобретателю не известно содержание данного «права»; 5) в утвержденных постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2015 г. № 1416 Правилах государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретения и другие охраняемые патентами и свидетельствами достижения, а также в соответствующих административных регламентах Минэкономразвития России от 30 сентября 2015 г. № 707 и от 10 июня 2016 г. № 371, естественно, ни слова не говорится о регистрации распоряжения исключительным правом на секрет производства (ноу-хау).

Попытки заменить исключительное право на ноу-хау (секрет промысла) (под маркой некоего «не-

традиционно охраняемого объекта») «квазиисключительным», или «квазиабсолютным», или «ослабленным» исключительным правом [8, с. 63], только загоняют вглубь решение проблемы правового режима данного очень важного и более массового, нежели изобретения, достижения умственного труда, который можно было бы именовать не по-английски (know-how), а по-русски как «неохраняемое коммерчески ценное интеллектуальное достижение» (НЕКОЦИД).

На секрет производства (ноу-хау, некоцид и т.п.) по определению не может быть установлено ни исключительное, ни «квазиисключительное», ни «квазиабсолютное», ни иное подобное право, а может существовать лишь фактическая монополия, обеспечиваемая режимом коммерческой тайны. Правовой режим ноу-хау сводится не к охране самого ноу-хау, а к обеспечению средствами различных отраслей права (гражданского, трудового, уголовного и др.) имущественных интересов фактического обладателя ноу-хау.

Вследствие изложенного на практике вместо договора о распоряжении «исключительным правом» на секрет производства (ноу-хау) во всем мире используется договор о передаче самого ноу-хау как неохраняемой коммерчески ценной информации, на которую у ее обладателя имеется лишь фактическая монополия, обеспечиваемая режимом коммерческой тайны.

Диссонансом с публичным порядком является регламентация в гл. 77 ГК РФ «права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии» (ст. 1542–1551). Изначально в ст. 1542 ГК РФ заложено противоречие между ее названием и содержанием. По смыслу содержания данной статьи в состав единой технологии могут входить как охраняемые (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ), так и неохраняемые РИД. Однако если судить по названию данной статьи («право на технологию»), а также по содержанию ст. 1543–1551 ГК РФ, на те и другие результаты в совокупности может возникать некое единое «право на технологию», т.е. на объект, не поименованный в п. 1 ст. 1225 ГК РФ в числе охраняемых РИД.

Поэтому не случайно в экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию законодательства от 26 ноября 2015 г. № 147-5/2015 [9, с. 318] было заявлено о целесообразности признания утратившей силу гл. 77 ГК РФ (а заодно и Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии»).

Диссонансным, с позиции такого аспекта публичного порядка, как систематизированность законодательства о праве интеллектуальной собственности, представляется включение в единый раздел VII, т.е. в часть четвертую ГК РФ, не только абсолютно-правовых норм (о формировании и содержании прав), но и обязательно-правовых норм (прежде всего о договорных способах распоряжения исключительными правами), а также о бездоговорных способах перехода данных прав к другим лицам, например, в порядке наследования. Нормы о распоряжении исключительными авторскими, смежными, патентными и другими подобными правами урегулированы в ГК РФ достаточно полно. Это прежде всего нормы о договорах об отчуждении исключительных прав и о лицензионных договорах о предоставлении лицензиатам права использования объектов соответствующих прав. Однако логичнее было бы поместить эти нормы в часть вторую ГК РФ,

регулирующую отдельные виды договорных обязательств, а нормы о наследовании — в часть третью ГК РФ.

Диссонанс в российское право вносит и трактовка в ГК РФ самой категории интеллектуальной собственности, не соответствующей ее международно-правовому определению. В соответствии с п. VIII ст. 2 Стокгольмской конвенции об учреждении ВОИС (с участием России) «интеллектуальная собственность включает права, относящиеся, в частности, к литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности».

В отличие от этого, по смыслу п. 1 ст. 1225 ГК РФ под интеллектуальной собственностью следует понимать сами РИД и приравненные к ним СИ, которым предоставляется правовая охрана, или, как более кратко сказано в ст. 128 ГК РФ, — «охраняемые РИД и СИ». Однако косвенным подтверждением сомнительности подобной трактовки служит сохранение в п. 4 ст. 769 части второй ГК РФ отождествления интеллектуальной собственности с исключительными правами (что полностью отвечало норме отмененной с 1 января 2008 г. ст. 138 ГК РФ). В соответствии с данным пунктом «условия договоров на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ должны соответствовать законам и иным правовым актам об исключительных правах (интеллектуальной собственности)» (разрядка наша. — *И.З.*).

Аналогичная трактовка вытекает и из ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», согласно которой одним из видов иностранных инвестиций является вложение иностранного капитала в «исключительные права на РИД (интеллектуальную собственность)» (разрядка наша — *И.З.*).

Характеристика интеллектуальной собственности как исключительных прав на РИД и СИ подкрепляется также нормой п. 4, которым ст. 129 части первой ГК РФ была дополнена в 2006 г. В силу п. 4 «РИД и приравненные к ним СИ (ст. 1225) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому». Отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленных ГК РФ, могут только «права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства».

В итоге напрашивается парадоксальный вывод: то, что не участвует в обороте (результаты и средства), признается интеллектуальной собственностью, а то, что в обороте может участвовать и ради чего в ГК РФ предусмотрено множество статей о распоряжении, т.е. исключительные (имущественные) права, интеллектуальной собственностью не является.

Вопрос порождает и включение в часть четвертую ГК РФ имеющей самостоятельное (наряду с интеллектуальной собственностью) значение категории интеллектуальных прав. Не вдаваясь в детальный освещен истории их происхождения и трактовку в зарубежной доктрине, подчеркнем, что «вбросом» в действующий нормативный акт данной категории создана не менее парадоксальная ситуация, когда у двух совершенно самостоятельных правовых институтов имеются одни и те же объекты.

О диссонансности трактовки интеллектуальной собственности говорит и факт регламентации в

ГК РФ коллективного управления авторскими и смежными правами (ст. 1242–1245). Если исходить из понимания интеллектуальной собственности как самих охраняемых произведений и исполнений, то логичнее было бы предусмотреть в ГК РФ коллективное управление данными достижениями по договору с их авторами. Однако помимо абсурдности формулы «управление произведением (или исполнением)» это прямо противоречило было п. 4 ст. 129 ГК РФ, в силу которой управлять можно только исключительными (т.е. имущественными) правами на эти достижения как интеллектуальной собственностью.

Представляется, что для снятия отмеченного нагромождения терминологических нестыковок на первых порах можно было бы синонимизировать предусматриваемое ст. 226 ГК РФ исключительное право с интеллектуальной собственностью, установив в п. 1 ст. 1225 ГК РФ, что «результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним по правовому режиму средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, на которые в установленном законом порядке закрепляется исключительное (имущественное) право (интеллектуальная собственность), являются:», и далее перечислить все результаты и средства, упомянутые в данном пункте, кроме секрета производства (ноу-хау), на который, как уже отмечалось, в принципе невозможно закрепить исключительное право, а возможно установить только фактическую монополию на базе режима коммерческой тайны.

Гармонично соответствуют критериям справедливости, морали и публично порядка нормы, предусматривающие возможность ограничения исключительных прав на РИД и СИ, в том числе в случаях, когда использование указанных результатов допускается без согласия правообладателей, но с сохранением за ними в некоторых случаях права на вознаграждение.

В соответствии с абз. 3–5 п. 5 ст. 1229 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 4 октября 2010 г. № 259-ФЗ) подобные ограничения устанавливаются «в определенных особых случаях» либо «в отдельных случаях» при условии, что такие ограничения «не противоречат обычному использованию произведений либо объектов смежных прав и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей», либо «необоснованным образом не противоречат обычному использованию изобретений или промышленных образцов и с учетом законных интересов третьих лиц не ущемляют необоснованным образом законных интересов правообладателей», либо ограничения прав на товарные знаки «учитывают законные интересы правообладателей и третьих лиц». Представляется, однако, что названные условия ограничений исключительных прав при всей их гармоничности нуждаются в конкретизации на базе судебной практики.

С утверждением о бесспорной гармоничности норм ст. 1273–1279, 1306, 1359–1361, 1400, 1422 и 1456 ГК РФ, допускающих хотя и свободное, но достаточно лимитированное использование объектов исключительных прав на РИД, коллидируют две «встречные» тенденции. Первая из них проявляется в обосновании необходимости расширения рамок свободного использования охраняемых достижений, прежде всего тех, которые распространяются в информационно-телекоммуникационных системах, в том числе в сети Интернет. Ее теоретической базой служат тезисы о первостепенности «обеспечения правовыми средствами гармоничного со-

четания интересов правообладателей, общества и государства» [9, с. 3], «нормативного обеспечения гармоничного баланса между правами авторов, с одной стороны, и интересами общественности, с другой» [10, с. 3]. Более широкое ограничение любого исключительного права признается в целом «одной из важных проблем» [11, с. 3]. Первые шаги в данном направлении были сделаны легализацией с 1 октября 2014 г. ст. 1286.1 ГК РФ открытой лицензии, предоставляемой «в упрощенном порядке».

Однако некоторыми авторами предлагаются и такие радикальные меры как целесообразность широкого применения так называемых «свободных лицензий» и «лицензий с открытым кодом» на использование свободного программного обеспечения, аналогичных американским лицензиям Creative Commons [12, с. 7]. Кроме того, известными деятелями культуры в 2014 г. была предложена концепция «глобальной лицензии», суть которой сводилась к возможности любого обладателя персонального компьютера, уплатившего определенную денежную сумму аккредитованной управляющей организации, свободно использовать любой контент, размещенный в сети Интернет.

Представляется, что данное предложение не отвечает требованиям ни справедливости, ни публичного порядка, вследствие чего «глобальная лицензия» не получила поддержки ни официальных органов (Минюста, Минкульта и др.), ни пользователей сети Интернет. Во-первых, и концепция, и основанный на ней проект закона о соответствующих поправках в ГК РФ нарушают закрепленное в кодексе право автора самостоятельно распоряжаться своим исключительным правом. Во-вторых, рядом федеральных «антипиратских» законов уже предусмотрены обоснованные и практически реализуемые меры по защите исключительных авторских и (или) смежных прав на объекты, распространяемые в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. В-третьих, в аспекте концепции глобальной лицензии и проекта закона остается нерешенным комплекс проблем сбора и выплаты вознаграждения правообладателям за использование размещенных в сети Интернет объектов авторских и смежных прав иностранными пользователями цифрового контента, учитывая трансграничный и фактически бесконтрольный (вне российского сегмента) характер функционирования данного электронного ресурса. Наконец, в-четвертых, неопределенными и проблематичными остаются перспективы технологического и финансового обеспечения реального действия всей системы глобальной лицензии, включая учет объектов исключительных авторских и смежных прав, их правообладателей, объема потребляемых услуг, т.е. просмотра и (или) прослушивания либо скачивания того или иного контента пользователями сети Интернет [13, с. 4].

С изложенной тенденцией расширения рамок свободного использования (особенно с помощью сети Интернет) объектов исключительных прав коллидирует «встречная» тенденция усиления защиты данных прав и борьбы с «интеллектуальным пиратством» [14, с. 20]. Наряду с общими применимыми мерами защиты любых (и личных неимущественных, и исключительных) прав (ст. 1250–1252 ГК РФ), в целях усиления защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях первым «антипиратским» Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ ст. 26 ГПК РФ, определяющая подсудность гражданских дел, была дополнена частью 3, в соответствии с которой «Москов-

ский городской суд рассматривает в качестве суда первой инстанции гражданские дела, которые связаны с защитой исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы и телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, и по которым им приняты превентивные обеспечительные меры» согласно ст. 144.1 ГПК РФ. Одновременно ст. 140 ГПК РФ, посвященная мерам по обеспечению иска, дополнена п. 3.1, предусматривающим «возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении исключительных прав» на данные достижения в указанных сетях.

В соответствии со вторым «антипиратским» Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ правообладатель вправе обратиться в федеральный орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере СМИ, в случае обнаружения в сетях не только фильмов, но и всех других объектов авторских и (или) смежных прав (кроме фотографических и им подобных произведений), распространяемых в сетях, или информации, необходимой для их получения с использованием сетей, без его разрешения или иного законного обоснования. Соответствующие поправки были внесены также в ст. 144.1 ГПК РФ.

В гармонии с публичным порядком в п. 3 ст. 1252, а в соответствии с ним в подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311, ст. 1406.1, подп. 1 п. 4 ст. 1515 и п. 2 ст. 1537 ГК РФ правообладатель при нарушении исключительного права на произведение, объект смежных прав, изобретение, полезную модель или товарный знак может наряду с использованием других применимых способов защиты и мер ответственности при доказанности лишь самого факта правонарушения вместо возмещения убытков потребовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Более того, правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

Кроме того, с 1 октября 2014 г. в случае, если одним действием нарушены права на несколько РИД и СИ, размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат или средство. При этом в случае, если права на соответствующие результат или средство принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации за нарушение прав на них с учетом характера и последствий нарушения может быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ, но не может составлять менее пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

По общему правилу размер компенсации установлен во всех случаях в диапазоне от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей. В качестве альтернативы, в зависимости от вида объекта нарушенного исключительного права размер компенсации может определяться, в частности, в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения (фонограммы, права использования изобретения, полезной модели, промышленного образца либо товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или наименование места происхождения товара). В любом случае размер компенсации должен определяться судом в пределах, установленных отмеченными статьями ГК РФ, «в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований *разумности и справедливости*» (курсив наш. — И.З.).

Однако судебная практика выявила несоответствие (диссонанс) установления размера компенсации в пределах от десяти тысяч руб. до пяти миллионов руб. за нарушение исключительного авторского права, смежных прав и права на товарный знак, в частности, в связи с ее применением в сфере предпринимательской деятельности.

Рассматривая дело о проверке конституционности подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с запросом Арбитражного суда Алтайского края, Конституционный Суд РФ своим Постановлением от 13 декабря 2016 г. № 28-П указал, что «отступление от требований справедливости, равенства и соразмерности при взыскании с индивидуального предпринимателя компенсации в пределах, установленных подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ во взаимосвязи с абзацем третьим п. 3 ст. 1252 ГК РФ, «за нарушение одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации может иметь место, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилами даже с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков».

Исходя из этого, Конституционный Суд РФ признал указанные законоположения не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой в системной связи с п. 3 ст. 1252 данного Кодекса и другими его положениями они не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями.

Кроме того, было указано, что Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции РФ и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в приведенном Постановлении, — внести в гражданское законодательство необходимые изменения. Впредь до их внесения суды при рассмотрении исковых требований, заявленных в порядке признанных не соответствующими Конституции норм ГК РФ, должны применять данные законоположения, руководствуясь Постановлением Конституционного Суда.

Однако до сих пор подобные изменения в действующее гражданское законодательство не внесены.

Вполне справедливы, моральны и гармоничны в целом с национальным публичным порядком нормы ст. 1242–1245 ГК РФ и связанных с ними иных правовых актов об управлении исключительными авторским и смежными правами на коллективной основе. Однако диссонанс международному публичному порядку создает невыполнение Российской Федерацией одного из обязательств, связанных с ее вступлением в ВТО. В соответствии с Протоколом от 16 декабря 2011 г. о присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО Россия приняла на себя обязательство в течение пяти лет со дня вступления в силу части четвертой ГК РФ (т.е. с 1 января 2013 г.) пересмотреть свою систему коллективного управления исключительными авторскими и смежными правами и отменить предусматриваемую

п. 3 ст. 1244 ГК РФ возможность недоговорного управления такими правами. В связи с этим при рассмотрении дел с участием аккредитованных организаций ответчики нередко ссылаются на отсутствие с 1 января 2013 г. у таких организаций права на управление правами правообладателей, с которыми не заключен договор на управление правами на коллективной основе. Однако указанное обязательство до сих пор не выполнено.

Литература

1. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве : дис. ... докт. юрид. наук / Д.Е. Богданов. М., 2015. 539 с.
2. Богданов Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости. Сравнительно-правовой аспект : монография / Д.Е. Богданов. М. : Изд-во «Проспект», 2015. 304 с.
3. Соловьева А.А. Справедливость в праве / А.А. Соловьева. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 177 с.
4. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика / В.А. Вайпан. М. : Изд-во «Юстицинформ», 2017. 280 с.
5. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве : дис. ... докт. юрид. наук / С.А. Иванова. М., 2006. 415 с.
6. Зенин И.А. Имплементация международных институтов и уроки кодификации российского законодательства об интеллектуальной собственности / И.А. Зенин // Право интеллектуальной собственности. 2017. № 1 (47). С. 4–9.
7. Дозорцев В.А. Исключительное право: сущность и развитие // Вступит. ст. к книге: В.О. Калятин. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) : учебник для вузов. М. : Изд-во «Норма-ИнфраМ», 2000. 480 с.
8. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / В.А. Дозорцев. М. : Изд-во «Статут», 2003. 416 с.
9. Материалы Международной конференции «Гражданское право России: наука, законы, правосудие. Итоги года». М. : Изд-во «Статут», 2016. 327 с.
10. Ситдикова Р.И. Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Р.И. Ситдикова. М., 2013. 53 с.
11. Кулагин Ю.В. Ограничения субъективных авторских прав по законодательству России и отдельных зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Кулагин. М., 2010. 22 с.
12. Свиридов Н.Л. Границы и ограничения по закону исключительного интеллектуального права (права интеллектуальной собственности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Л. Свиридов. М., 2008. 26 с.
13. Мешкова К.М. Распоряжение исключительными интеллектуальными правами в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.М. Мешкова. М., 2014. 23 с.
14. Зенин И.А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде / И.А. Зенин // Право интеллектуальной собственности. 2017. № 3 (41). С. 4–8.
15. Трунцевский Ю.В. Видеопиратство. Уголовная ответственность, раскрытие и расследование преступлений. Пособие / Ю.В. Трунцевский. М. : Изд-во «ЮрИнФор», 2000. 172 с.

References

1. Bogdanov D.E. Spravedlivost kak osnovnoe nachalo grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti v rossiyskom i zarubezhnom prave : dis. ... dokt. yurid. nauk [Justice as the Main Principle of Civil Liability in Russian and Foreign Law : thesis of ... Doctor of Law] / D.E. Bogdanov. Moskva — Moscow, 2015. 539 s.
2. Bogdanov D.E. Evolyutsiya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti s pozitsii spravedlivosti. Sravnitelno-pravovoy aspekt : monografiya [Evolution of Civil Liability from the Perspective of Justice. Comparative and Legal Aspect : monograph] / D.E. Bogdanov. Moskva : Izd-vo «Prospekt» — Moscow : Prospect publishing house, 2015. 304 s.
3. Solovyeva A.A. Spravedlivost v prave [Justice in Law] / A.A. Solovyeva. Chelyabinsk : Izdatelskiy tsentr YuUrGU — Chelyabinsk : Publishing center of the SUSU, 2016. 177 s.
4. Vaypan V.A. Teoriya spravedlivosti: pravo i ekonomika [Theory of Justice: Law and Economics] / V.A. Vaypan. Moskva : Izd-vo «Yustitsinform» — Moscow : Justice Inform publishing house, 2017. 280 s.
5. Ivanova S.A. Printsip spravedlivosti v grazhdanskom prave : dis. ... dokt. yurid. nauk [The Principle of Justice in Civil Law : thesis of ... Doctor of Law] / S.A. Ivanova. Moskva — Moscow, 2006. 415 s.
6. Zenin I.A. Implementatsiya mezhdunarodnykh institutov i uroki kodifikatsii rossiyskogo zakonodatelstva ob intellektualnoy sobstvennosti [Implementation of International Institutions and Lessons of Codification of the Russian Intellectual Property Laws] / I.A. Zenin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2017. № 1 (47). S. 4–9.
7. Dozortsev V.A. Isklyuchitelnoe parvo: suschnost i razvitie [Exclusive Right: Essence and Development] // vstupit. st. k knige: V.O. Kalyatin. Intellektualnaya sobstvennost (Isklyuchitelnye prava) : uchebnik dlya vuzov — Foreword to the Book : V.O. Kalyatin. Intellectual Property (Exclusive Rights) : textbook for higher educational institutions. Moskva : Izd-vo «Norma-InfraM» — Moscow : Norma-InfraM publishing house, 2000. 480 s.
8. Dozortsev V.A. Intellektualny'e prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii. Sbornik statey [Intellectual Rights. Concept. System. Codification Tasks. Collection of Articles] / V.A. Dozortsev. Moskva : Izd-vo «Statut» — Moscow : Statute publishing house, 2003. 416 s.
9. Materialy' Mezhdunarodnoy konferentsii «Grazhdanskoe pravo Rossii: nauka, zakony', pravosudie. Itogi goda» [Materials of the International Conference The Russian Civil Law: Science, Laws, Justice. Results of the Year]. Moskva : Izd-vo «Statut» — Moscow : Statute publishing house, 2016. 327 s.
10. Sitdikova D.E. Grazhdansko-pravovoy mekhanizm okhrany' chastny'kh, obschestvenny'kh i publichny'kh interesov avtorskim pravom : avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk [Civil Law Mechanism of Protection of Private, Social and Public Interests by Copyright : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / R.I. Sitdikova. Moskva — Moscow, 2013. 53 s.
11. Kulagin Yu.V. Ogranicheniya subyektivny'kh avtorskikh prav po zakonodatelstvu Rossii i otdelny'kh zarubezhny'kh stran : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Limitations of Subjective Copyright under the Laws of Russia and Some Foreign Countries : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / Yu.V. Kulagin. Moskva — Moscow, 2010. 22 s.
12. Sviridov N.L. Granitsy' i ogranicheniya po zakonu isklyuchitel'nogo intellektual'nogo prava (prava intellektualnoy sobstvennosti) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Limits and Restrictions under the Law of Exclusive Intellectual Right (Intellectual Property Right) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / N.L. Sviridov. Moskva — Moscow, 2008. 26 s.
13. Meshkova K.M. Rasporyazhenie isklyuchitelny'mi pravami v seti Internet : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Disposal of Exclusive Intellectual Rights on the Internet : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / K.M. Meshkova. Moskva — Moscow, 2014. 23 s.
14. Zenin I.A. O kontseptsii globalnoy litsenzii kak instrumente upravleniya pravami na obyekt'y intellektualnoy sobstvennosti v tsifrovoy srede [On the Concept of a Global License as an Instrument for Managing Intellectual Property Rights in the Digital Environment] / I.A. Zenin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2017. № 3 (41). S. 4–8.
15. Truntsevsky Yu.V. Videopiratsstvo. Ugolovnaya otvetstvennost, raskry'tie i rassledovanie prestupleniy. Posobie [Video Piracy. Criminal Liability, Solution and Investigation of Crimes. Guide] / Yu.V. Truntsevsky. Moskva : Izd-vo «YurInFor» — Moscow : YurInFor publishing house, 2000. 172 s.

Природа права на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений*

Матвеев А.Г.**

Цель. Установление юридической природы права на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, определение места этого права в системе авторских и смежных прав. **Методы:** в исследовании применены методы формальной логики, сравнительно-правовой, системно-структурной и формально-догматической методы. **Обсуждение.** Российская юридическая наука использует термин «право автора на вознаграждение» в двух контекстах. Во-первых, право на вознаграждение является проявлением исключительного права. В этом смысле нельзя говорить о праве на вознаграждение как о самостоятельном интеллектуальном праве. Во-вторых, право на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений — это самостоятельное интеллектуальное право. Гражданский кодекс РФ признает три права такого рода. Первое право принадлежит авторам аудиовизуальных произведений и произведений, зафиксированных в фонограммах. Второе право принадлежит исполнителям, исполнения которых зафиксированы в аудиовизуальных произведениях и фонограммах, третья — изготовителям аудиовизуальных произведений и фонограмм. **Выводы.** Право на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях представляет собой относительное имущественное право. Это право в то же время характеризуется тесной связанностью с исключительным правом. По мнению автора, распоряжение правом на вознаграждение отдельно от исключительного права не должно допускаться.

Ключевые слова: интеллектуальные права, исключительное право, авторское право, смежные права, право на вознаграждение, правомочие, фонограмма, аудиовизуальное произведение, Гражданский кодекс, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, Конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций, Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, Всемирная торговая организация, Всеобщая декларация прав человека.

Purpose. To establish the nature of the right to remuneration for free reproduction of phonograms and audiovisual works for private use, to determine the place of this right in the copyright and neighboring rights system. **Methods:** method of formal logic, comparative legal, systematic structural and formal dogmatic methods are used in the analysis. **Discussion.** Russian legal science uses the term “author’s right to remuneration” in two contexts. These contexts should be clearly delineated. First, the right to remuneration is a manifestation of the exclusive right. In this sense, one can not speak of the right to remuneration as an independent intellectual right. Secondly, the right to remuneration for the reproduction of phonograms and audiovisual works is an independent intellectual right. The Civil Code of the Russian Federation recognizes three rights of this kind. The first right belongs to the authors of audiovisual works and works recorded in phonograms. The second right belongs to the performers, whose performances in audiovisual works and phonograms are fixed. The third right belongs to the producers of audiovisual works and phonograms. **Results.** The right to remuneration for the reproduction of phonograms and audiovisual works is a relative property right. This right is at the same time closely related to the exclusive right. In the author’s opinion, the right to a remuneration separate from the exclusive right should not be allowed.***

Keywords: intellectual rights, exclusive right, copyright, neighboring rights, right to remuneration, authority, phonogram, audiovisual work, Civil code, Berne convention for the protection of literary and artistic works, Convention for the protection of performers, producers of phonograms and broadcasting organizations, WIPO treaty on performances and phonograms, World trade organization, Universal declaration of human rights.

Введение

В российском праве интеллектуальной собственности проблематика природы и системы прав автора на вознаграждение традиционно рассматривается как достаточно актуальная. Одним из катализаторов, стимулирующих дискуссии по данному во-

просу, выступает то обстоятельство, что статус прав автора на вознаграждение в советском и современном законодательстве неоднократно менялся. В частности, право автора на вознаграждение наряду с правом на опубликование, воспроизведение и распространение произведения или с правом на использование произведения было отнесено к числу

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00628.

** **Матвеев Антон Геннадьевич**, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент. Электронный адрес: la.musica@yandex.ru

Рецензент: Гаврилов Эдуард Петрович, член редакционного совета, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор.

*** **The Nature of the Right to Remuneration for Free Playing of Audio Records and Audiovisual Works**

Matveev A.G., Professor of the Chair of Civil Law, Perm State National Research University, Doctor of law, Associate Professor

Reviewer: Gavrillov E.P., Member of Editorial Council, Professor of Civil Law Department, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor

составляющих авторского права соответственно в ст. 479 ГК РСФСР 1964 г. [4] и в ст. 135 Основ гражданского законодательства Союза ССР 1991 г. [14]. Решение вопроса о соотношении прав автора на вознаграждение с исключительным авторским правом по действующему законодательству усложняется тем, что часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации [19] признает несколько видов прав автора на вознаграждение и что режим этих прав не является однозначным и логически безупречным. Наконец, в последние годы внимание общественности к правам автора на вознаграждение связано с обсуждением так называемой глобальной лицензии на использование произведений в сети Интернет. Как справедливо отмечает И.А. Зенин, глобальная лицензия приведет к легализации безграничного расширенного управления исключительными правами [8, с. 6].

Одним из значимых и неоднозначных звеньев в цепи прав автора на вознаграждение является право на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях. В ст. 1273 ГК РФ установлено, что, когда воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений осуществляется исключительно в личных целях, авторы, исполнители, изготовители фонограмм и аудиовизуальных произведений имеют право на вознаграждение, предусмотренное ст. 1245 настоящего Кодекса. Это вознаграждение имеет компенсационный характер и выплачивается правообладателям за счет средств, которые подлежат уплате изготовителями и импортерами оборудования и материальных носителей, используемых для такого воспроизведения (п. 1 ст. 1245 ГК РФ). Как видно, право на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений признается не только за авторами, но также и за исполнителями и изготовителями фонограмм. Соответственно, можно говорить о нескольких родственных правах такого рода.

Технический прогресс постепенно привел к тому, что граждане получили возможность доступного копирования книг, кассет, дисков. Естественно, что такая ситуация негативно отразилась на интересах правообладателей. Плата за копирование в личных целях в форме «справедливого вознаграждения» была впервые введена в Германии с принятием Закона об авторском праве и смежных правах от 9 сентября 1965 г. [7] Она взималась с производителей звуко- и видеозаписывающего оборудования и не распространялась на чистые носители. Германский опыт оказал влияние практически на все страны Европы, включая Россию. Исключением являются, например, Великобритания, Ирландия, Люксембург, Кипр, Мальта. [21; 22, р. 4–6] В Великобритании законодательство, разрешающее существенно ограниченное частное копирование, было введено в 2014 г., однако после решения Высокого суда правосудия от 19 июня 2015 г. [20] оно было отменено.

Целью настоящей статьи является установление юридической природы права на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, определение места этого права в системе авторских и смежных прав.

Право автора на вознаграждение как одна из форм защиты имущественных интересов автора

Защита имущественных интересов автора провозглашается на самом высоком международном

уровне. Так, право на защиту материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, рассматривается в качестве права человека в п. 2 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека [3]. В п. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. [12] также признается право каждого человека на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является. Исключительное авторское право не тождественно указанному праву на защиту материальных интересов. Оно является важнейшей, но отнюдь не единственной формой такой защиты.

Вопрос о соотношении права человека на защиту моральных и материальных интересов, связанных с научными, литературными и художественными трудами, с правами интеллектуальной собственности, был рассмотрен на 35-й сессии Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН в ноябре 2005 г. и нашел отражение в Замечаниях общего порядка № 17 [25]. Комитет подчеркнул, что важно не отождествлять права интеллектуальной собственности и право человека на защиту моральных и материальных интересов, признаваемое в п. 1 ст. 15 Пакта 1966 г. (п. 3 Замечаний). В Замечаниях общего порядка № 17 нет конкретных рассуждений, позволяющих установить мнение Комитета о том, какие правовые режимы и формы являются альтернативой исключительным авторским правам в отношении реализации права на защиту материальных интересов автора. В п. 15 Замечаний указано, что это право образует одну из предпосылок пользования правом на достаточный жизненный уровень. Пожалуй, наиболее значимые положения по рассматриваемой проблематике содержатся в п. 16 Замечаний, согласно которому срок защиты материальных интересов не обязательно должен распространяться на весь период продолжительности жизни автора. Далее сказано, что цель предоставления авторам возможности иметь достаточный жизненный уровень может быть достигнута скорее посредством единовременных выплат или наделяния автора в течение ограниченного периода времени исключительным правом на использование его научного, литературного или художественного труда.

По всей видимости, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в качестве единственной альтернативы исключительному праву рассматривает право на получение единовременного вознаграждения. Под альтернативой исключительному праву понимается такое правовое положение автора, когда за ним признаются определенные имущественные права, связанные с его произведением, которые, однако, не дают ему возможности разрешать или запрещать использование произведения третьим лицам. Как верно отмечает Дж.А.Л. Стерлинг (J.A.L. Sterling), следует учитывать, что очень часто авторские и смежные права являются исключительными, однако в некоторых случаях они представляют собой просто права на получение вознаграждения [24, р. 41]. В то же время автор, обладающий исключительным правом на произведение, осуществляя это право, как правило, получает вознаграждение за использование произведения. Таким образом, зачастую в авторском праве складываются ситуации параллельного признания различных по природе, но близких по названию прав автора на вознаграждение. [10, с. 226–246].

Соотношение права автора на вознаграждение с исключительным правом

В п. 10 и 10.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 [16] указано, что право на вознаграждение за использование результата интеллектуальной деятельности (кроме права на вознаграждение за использование служебного произведения) по смыслу положений п. 5 ст. 1229 ГК РФ входит в состав исключительного права. Казалось бы, такое заключение влечет за собой вывод о том, что право на вознаграждение следует за исключительным правом при его отчуждении. Однако в п. 10.2 того же Постановления указано, что в случаях, установленных положениями ч. 4 ГК РФ, право на вознаграждение сохраняется у автора, исполнителя, изготовителя фонограммы и тогда, когда исключительное право ему не принадлежит, а равно у обладателя исключительного права, если оно существенно ограничено (например, ст. 1245, 1263, 1326 Кодекса). Обращает на себя внимание также п. 84 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании» [17]. Согласно этому пункту к наследникам авторов, исполнителей и изготовителей фонограмм и аудиовизуальных произведений переходит право на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограммы и аудиовизуальных произведений исключительно в личных целях. В 2009 г. Верховный Суд уже разъяснил, что это право на вознаграждение рассматривается им как часть исключительного права, а через 3 года зачем-то воспроизвел очевидное с точки зрения сформированной им позиции правило, при этом говоря о праве на вознаграждение так, как будто оно является самостоятельным правом.

Сказанное позволяет заключить, что термин «право автора на вознаграждение» использовался в российском гражданском праве и продолжает использоваться в различных контекстах. В дискуссиях о природе прав на вознаграждение необходимо четко обозначать эти контексты и разграничивать соответствующие понятия. Представляется, что это не в полной мере удалось авторам комментария к п. 10 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 5/29, где, в частности, указано: «Упоминание права на вознаграждение в отдельных статьях ГК РФ не означает, что этого права не существует в других случаях, право на вознаграждение выступает как проявление предоставленной обладателю исключительного права возможности контролировать эксплуатацию соответствующего объекта» [13]. Вряд ли корректно и логично говорить в одном и том же контексте о праве автора на вознаграждение, признаваемом в качестве альтернативы исключительному праву, и о праве на вознаграждение как о так называемом проявлении предоставленной обладателю исключительного права возможности контролировать использование объекта. Разграничивая два этих контекста обсуждения понятий прав на вознаграждение через призму элементов механизма правового регулирования [1, с. 106–155], следует подчеркнуть, что первый контекст касается стадии нормативного закрепления и признания субъективных прав, а второй — стадии осуществления исключительного права в относительных правоотношениях. На стадии нормативного закрепления исключительного авторского права право на вознаграждение отсутствует и как элемент содержания исключительного права, и как его правомочие. А.П. Сергеев справедливо заметил, что в абстрактном виде, т.е. вне связи с каким-либо конкретным способом использования произведе-

ния, права на вознаграждение не существует, поэтому в его специальном выделении в качестве особого права нет никакой необходимости [18, с. 234].

О праве на вознаграждение как о проявлении исключительного права уместно говорить на стадии осуществления последнего. В той же самой мере уместно рассматривать право на вознаграждение как проявление права собственности. Иными словами, никакой авторско-правовой специфики здесь нет. Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Обладатель исключительного права самостоятельно решает, предоставить ли третьим лицам право использовать произведение возмездно либо безвозмездно. Если распоряжение исключительным правом осуществляется возмездно, у правообладателя возникает право на вознаграждение.

Напротив, право на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях представляет собой относительное имущественное право. Оно в то же время характеризуется тесной связанностью с исключительным правом. Последняя выражается в том, что распоряжение правом на вознаграждение отдельно от исключительного права не допускается или, по крайней мере, не должно допускаться. А. Попова правильно отмечает, что при ограничении исключительного права логично осуществлять компенсационные выплаты действующему на период таких ограничений правообладателю, а не создателям данных объектов, которые в свое время распорядились своими исключительными правами [15, с. 27].

Хотя в ст. 1245 ГК РФ и устанавливается одно право на вознаграждение, правильнее говорить о трех родственных правах на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях. Первое принадлежит авторам аудиовизуальных произведений и произведений, зафиксированных в фонограммах, второе — исполнителям, исполнения которых зафиксированы в аудиовизуальных произведениях и фонограммах, третье — изготовителям аудиовизуальных произведений и фонограмм. Если производители фонограмм обладают самостоятельным по отношению к правам авторов и исполнителей исключительным смежным правом на их фонограмму, то за изготовителями аудиовизуальных произведений (продюсерами) ГК РФ такого права не признает. В смысле ст. 1245 и 1273 ГК РФ продюсер является самостоятельным по отношению к авторам фильма обладателем права на вознаграждение. В то же время, исходя из ст. 1263 и 1240 ГК РФ, он рассматривается как производный обладатель исключительного авторского права на аудиовизуальное произведение. Любопытно, что в ст. 141 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. признавалось смежное право создателей видеозаписей. Показанное противоречие между статусом продюсера как самостоятельного обладателя права на вознаграждение за использование аудиовизуального произведения и как производного обладателя исключительного авторского права на этот объект необходимо устранить путем законодательного признания смежных прав изготовителя аудиовизуального произведения.

Международно-правовые основы права автора на вознаграждение

Проблема соотношения права автора на вознаграждение с исключительным правом приобрела

еще большую актуальность в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию. При вступлении в ВТО Российская Федерация приняла на себя обязательство, согласно которому с даты присоединения термин «исключительные права», используемый в ст. 1229, 1231 и других статьях ч. 4 ГК РФ, будет толковаться и применяться как включающий право на вознаграждение. Это обязательство содержится в параграфе 1208 Доклада рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации [6]. Здесь также сказано, что право на вознаграждение в соответствии с российским законодательством считается частью исключительного права и что в отдельных случаях право на вознаграждение может быть единственной частью исключительного права, сохраняющейся у правообладателя.

Интерес вызывает ход и содержание переговоров, в результате которых Россия взяла на себя такое обязательство. В параграфе 1207 Доклада на этот счет содержатся любопытные сведения. Указано, что отдельные члены группы переговорщиков запросили разъяснения в отношении сферы применения и содержания термина «исключительное право», содержащегося в ст. 1229, 1231 и других статьях ч. 4 ГК РФ. В частности, был задан вопрос, будет ли данный термин включать права на вознаграждение, предусмотренные ст. 11 bis и 13 Бернской Конвенции [2], ст. 12 Римской Конвенции [11] и ст. 15 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам [5], которые отдельные члены Рабочей группы посчитали отличными от исключительного права. Как видно, члены группы переговорщиков не настаивали на том, чтобы Российская Федерация признавала право на вознаграждение элементом исключительного права. Более того, среди них нет консенсуса по вопросу о соотношении этих прав. Неслучайно в тексте параграфа 1207 Доклада права на вознаграждения, упоминаемые в отмеченных международных соглашениях, названы «экономическими правами».

В п. 2 ст. 11 bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений указано, что законодательством стран Союза определяются условия осуществления прав на передачу в эфир, однако эти условия, в частности, ни в коем случае не должны ущемлять принадлежащее автору право на получение справедливого вознаграждения, которое, при отсутствии соглашения, устанавливается компетентным органом. Похожие правила установлены в п. 1 ст. 13 Конвенции относительно исключительного права авторов музыкальных произведений и текстов, относящихся к ним, разрешать звуковую запись таких произведений. В заголовках ст. 11 bis и 13 Бернской конвенции соответствующие пункты именуются «принудительными лицензиями», однако такая маркировка не влияет на природу прав на получение справедливого вознаграждения, закрепленных в этих статьях, поскольку заголовки статей являются вспомогательным аппаратом текста Конвенции.

По существу можно сказать, что положения п. 2 ст. 11 bis и п. 1 ст. 13 Бернской конвенции не содержат достаточного числа признаков, позволяющих квалифицировать закрепленный здесь режим в качестве принудительных лицензий. С. фон Левински пишет, что эти правила Бернской конвенции были предусмотрены для того, чтобы разрешить странам-членам устанавливать обязательные лицензии, соответственно, в пользу вещательных организаций и звукозаписывающих компаний. Исторически сложилось так, что эти группы потенциальных пользователей опасались, что правообладатели помеша-

ют им получить необходимые лицензии на вещание и запись, особенно там, где правообладатели были представлены обществами по сбору авторских отчислений [23, р. 5–6]. С. фон Левински полагает, что принудительные лицензии являются заменой исключительного права правом на вознаграждение [23, р. 5–6]. Это выражение о замене исключительного права правом на вознаграждение в отношении принудительных лицензий встречается в литературе по авторскому праву достаточно часто. Его можно понимать по-разному. Если иметь в виду законодательное разрешение всем третьим лицам использовать произведение с условием выплаты вознаграждения, то такое понимание принудительной лицензии является более широким, чем в патентном праве. Оно, по сути, отождествляет принудительную лицензию со свободным платным использованием произведения. Если же разрешение на использование произведения выдается компетентным органом конкретному заинтересованному лицу, то такая конструкция представляет собой классическую принудительную лицензию. Но только в этом случае уже нельзя говорить о замене исключительного права правом на вознаграждение в строгом догматическом смысле.

В ст. 12 Римской конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций установлено, что, если фонограмма, опубликованная в коммерческих целях, или воспроизведение такой фонограммы используется непосредственно для передачи в эфир или для сообщения любым способом для всеобщего сведения, пользователь выплачивает разовое справедливое вознаграждение исполнителям или изготовителям фонограмм либо им обоим. Это положение является одним из самых важных в Конвенции и определено самым трудным с точки зрения его согласования участниками Римской конференции [9, с. 718]. Правовой режим закрепленного здесь права на вознаграждение также является неоднозначным. Д. Липчик пишет, что в ст. 12 были установлены недобровольные лицензии [9, с. 719]. При этом она не уточняет, имеются ли в виду лицензии по закону или принудительные лицензии. Против квалификации положений ст. 12 в качестве режима лицензий по закону (платного ограничения исключительных прав) можно сказать, что Римская конвенция не признает исключительного права на передачу фонограмм в эфир. Соответственно, некорректно говорить об ограничениях исключительного права, которого нет. Вряд ли можно также расценивать ст. 12 как основу механизма принудительных лицензий, так как последние представляют собой ограничение осуществления исключительного права.

Исходя из целей и истории принятия ст. 12 Римской конвенции можно заключить, что эта статья устанавливает альтернативный по отношению к исключительному праву способ обеспечения имущественных интересов исполнителей и производителей фонограмм. Догматически этот механизм идентичен платному использованию объекта без разрешения правообладателя. Однако в историческом контексте, а также в контексте обеспечения интересов такое право на вознаграждение не является ни заменой исключительного права, ни его частью.

В п. 1 ст. 15 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам установлено, что исполнители и производители фонограмм пользуются правом на единовременное справедливое вознаграждение за прямое или косвенное использование фонограмм, опубликованных в коммерческих целях, для эфирного вещания или любого сообщения для всеобщего

го сведения. Договор ВОИС, как и Римская конвенция, не включает в себя исключительное право на передачу в эфир. На вопросы относительно характера права на вознаграждение, предусматриваемого в п. 1 ст. 15, частично можно найти ответ в Согласованных заявлениях к этой статье: «Понимается, что ст. 15 не представляет собой окончательное решение вопроса об уровне прав на эфирное вещание и сообщение для всеобщего сведения, которыми должны пользоваться исполнители и производители фонограмм в цифровую эру. Делегациям не удалось достичь консенсуса по различным предложениям в отношении аспектов исключительности, которая должна предоставляться в определенных обстоятельствах, или в отношении прав, которые должны предоставляться без возможности оговорки, и поэтому этот вопрос был оставлен для дальнейшего решения».

Итак, из рассмотренных положений Бернской и Римской конвенций, а также Договора ВОИС по исполнению и фонограммам не следует вывод, что право на вознаграждение является частью исключительного права. Логичной видится обратная ситуация. Поэтому обязательства Российской Федерации признавать право на вознаграждение как часть исключительного права представляются необдуманными и некорректными, так как они сводят различные модели охраны имущественного интереса к конструкции исключительного права, что противоречит международным соглашениям и приведенной в начале этой работы позиции Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН о соотношении исключительного права и правовой охраны имущественных интересов автора.

Заключение

Российским законодателем при регламентации прав на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях был применен теоретически ошибочный подход. Включение этих прав в состав исключительного права — не что иное, как редуцирование разнообразных отношений по обеспечению имущественного интереса авторов, исполнителей и производителей фонограмм и аудиовизуальных произведений к модели исключительного права, что разрушает конструкцию последнего, внося в нее факультативные элементы, которые не свойственны его содержанию и идее.

В ст. 1245 ГК РФ необходимо специально указать, что права на вознаграждение за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений переходят к третьим лицам по договору или в порядке универсального правопреемства вместе с соответствующим исключительным правом и что срок действия этих прав равен сроку действия соответствующего исключительного права. Единство юридической судьбы прав на вознаграждение и исключительного права объясняется тем, что целью признания такого рода прав является компенсация упущенных правообладателями доходов, которые они не могут получить за каждый фактический случай воспроизведения фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях.

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М.: Юридическая литература, 1966. 188 с.

2. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря.

4. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. 18 июня. № 24. Ст. 406.

5. Договор ВОИС по исполнению и фонограммам от 20 декабря 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс».

6. Доклад рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/tsouz/docs/docladRG.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

7. Закон Федеративной Республики Германия об авторском праве и смежных правах от 9 сентября 1965 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=239044 (дата обращения: 25.05.2017).

8. Зенин И.А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде / И.А. Зенин // Право интеллектуальной собственности. 2015. № 3. С. 4–6.

9. Липчик Д. Авторское право и смежные права. М.: Ладомир, 2002. 788 с.

10. Матвеев А.Г. Система авторских прав. М.: Юрлитинформ, 2017. 368 с.

11. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк) от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

13. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В.О. Калятин, Д.В. Мурзин, Л.А. Новоселова и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М., 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Основы Гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. // Ведомости ВС СССР. 1991. 26 июня. № 26. Ст. 733.

15. Попова А. Роль и значение права на получение вознаграждения в системе интеллектуальных прав / А. Попова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 6. С. 22–27.

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А.П. Сергеев. М.: Проспект, 2001. 752 с.

19. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая» // Парламентская газета. 2006. 21 декабря.

20. England and Wales High Court (Administrative Court) Decisions. 2015. EWHC 1723 (Admin). Case No: CO/5444/2014. URL: <http://www.bailii.org/ew/cas->

es/EWHC/Admin/2015/1723.html (дата обращения: 20.10.2017).

21. International Survey on Private Copying. Law & Practice 2015. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1037_2016.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

22. Kreileand R., Becker J. The Legitimation, Practice and Future of Private Copying in Germany / R. Kreileand, J. Becker // Copyright Bulletin. 2003. № 2. Pp. 1–19.

23. Lewinski Silke von. Mandatory Collective Administration of Exclusive Rights — a Case Study on its Compatibility with International and EC Copyright Law / Silke von Lewinski // Copyright Bulletin. 2004. № 1. Pp. 1–14.

24. Sterling J.A.L. World Copyright Law / J.A.L. Sterling. London, 2003. 1357 p.

25. The Right of Everyone to Benefit from the Protection of the Moral and Material Interests Resulting from any Scientific, Literary or Artistic Production of which He or She Is the Author. General Comment № 17. E/C.12/GC/17 (12 January 2006) URL: <http://www.refworld.org/docid/441543594.html> (дата обращения: 20.02.2017).

References

1. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve [The Legal Regulation Mechanism in a Socialist State] / S.S. Alekseev. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1966. 188 s.

2. Bernskaya konventsiya po okhrane literaturny'kh i khudozhestvenny'kh proizvedeniy ot 9 sentyabrya 1886 g. // Byulleten mezhdunarodny'kh dogovorov. 2003. № 9.

3. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka ot 10 dekabrya 1948 g. // Rossiyskaya gazeta. 1998. 10 dekabrya.

4. Grazhdanskiy kodeks RSFSR ot 11 iyunya 1964 g. // Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1964. 18 iyunya. № 24. St. 406.

5. Dogovor VOIS po ispolneniyam i fonogrammam ot 20 dekabrya 1996 g. // SPS «KonsultantPlyus».

6. Doklad rabochey gruppy' po prisoedineniyu Rossiyskoy Federatsii k Vsemirnoy torgovoy organizatsii [Report of a Working Group on Accession of the Russian Federation to the World Trade Organization]. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/import-Export/tsouz/docs/docladRG.pdf> (дата обращения: 01.06.2017 — accessed: June 1, 2017).

7. Zakon Federativnoy Respubliki Germaniya ob avtorskom prave i smezhny'kh pravakh ot 9 sentyabrya 1965 g. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=239044 (дата обращения: 25.05.2017).

8. Zenin I.A. O kontseptsii globalnoy litsenzii kak instrumente upravleniya pravami na obyekty' intellektualnoy sobstvennosti v tsifrovoy srede [On the Concept of a Global License as an Instrument for Managing Intellectual Property Rights in the Digital Environment] / I.A. Zenin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2015. № 3. S. 4–6.

9. Liptsik D. Avtorsкое право i smezhny'e prava [Copyright and Related Rights] Moskva : Ladomir — Moscow : Ladomir, 2002. 788 s.

10. Matveev A.G. Sistema avtorskiikh prav [Copyright System] Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2017. 368 s.

11. Mezhdunarodnaya konventsiya ob okhrane prav ispolniteley, izgotoviteley fonogramm i veschatelny'kh

organizatsiy ot 26 oktyabrya 1961 g. // SPS «KonsultantPlyus».

12. Mezhdunarodny'y pakt ob ekonomicheskikh, sotsialny'kh i kulturny'kh pravakh (Nyu-York) ot 19 dekabrya 1966 g. // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1976. № 17 (1831).

13. Nauchno-prakticheskiy kommentariy sudebnoy praktiki v sfere zaschity' intellektualny'kh prav [Scientific and Practical Commentary to Judicial Practice in Intellectual Right Protection] / V.O. Kalyatin, D.V. Murzin, L.A. Novoselova i dr.; pod obsch. red. L.A. Novoselovoy. Moskva, 2014 — Moscow, 2014 // SPS «KonsultantPlyus».

14. Osnovy' Grazhdanskogo zakonodatelstva Soyuzza SSR i respublik ot 31 maya 1991 g. // Vedomosti VS SSSR. 1991. 26 iyunya. № 26. St. 733.

15. Popova A. Rol i znachenie prava na polucheniye voznagrashdeniya v sisteme intellektualny'kh prav [The Role and Importance of the Right to Receive Remuneration in the Intellectual Right System] / A. Popova // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorsкое право i smezhny'e prava — Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2014. № 6. S. 22–27.

16. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Plenuma Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 26 marta 2009 g. № 5/29 «O nekotory'kh voprosakh, voznikshikh v svyazi s wedeniem v deystvie chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // SPS «KonsultantPlyus».

17. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2012 g. № 9 «O sudebnoy praktike po delam o nasledovanii» // SPS «KonsultantPlyus».

18. Sergeev A.P. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii [Intellectual Property Law in the Russian Federation] / A.P. Sergeev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2001. 752 s.

19. Federaln'yy zakon ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ «Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast chetvertaya» // Parlamentskaya gazeta. 2006. 21 dekabrya.

20. England and Wales High Court (Administrative Court) Decisions. 2015. EWHC 1723 (Admin). Case No: CO/5444/2014. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Admin/2015/1723.html> (accessed: 20.10.2017).

21. International Survey on Private Copying. Law & Practice 2015. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1037_2016.pdf (accessed: February 20, 2017).

22. Kreileand R., Becker J. The Legitimation, Practice and Future of Private Copying in Germany as an Example of the System of Private Copying in Germany / R. Kreileand, J. Becker // Copyright Bulletin. 2003. № 2. S. 1–19.

23. Lewinski Silke von. Mandatory Collective Administration of Exclusive Rights — a Case Study on its Compatibility with International and EC Copyright Law / Silke von Lewinski // Copyright Bulletin. 2004. № 1. S. 1–14.

24. Sterling J.A.L. World Copyright Law / J.A.L. Sterling. London, 2003. 1357 s.

25. The Right of Everyone to Benefit from the Protection of the Moral and Material Interests Resulting from any Scientific, Literary or Artistic Production of which He or She Is the Author. General Comment № 17. E/C.12/GC/17 (January 12, 2006). URL: <http://www.refworld.org/docid/441543594.html> (accessed: February 20, 2017).

Регистрация средств индивидуализации в рамках Евразийского экономического союза

Стрелкова И.И.*

Цель. Правовая охрана средств индивидуализации имеет национальные границы и действует на территории государства, где зарегистрировано соответствующее обозначение. В рамках Евразийского экономического союза создается региональный механизм регистрации товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров, позволяющий расширить пределы действия правовой охраны зарегистрированных обозначений на все пространство Союза. Более того, ставится цель в результате повысить уровень правовой охраны исключительных прав на указанные объекты интеллектуальной собственности. Создание нового института региональных обозначений призвано способствовать свободному передвижению товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территории государств — членов Союза, минимизировать издержки бизнеса и препятствовать недобросовестной конкуренции, а также обеспечить продвижение интересов национальных производителей. Отношения, возникающие в связи с регистрацией, охраной исключительных прав и использованием региональных средств индивидуализации на территориях государств — членов ЕАЭС, должны регулироваться международным договором. Проект соответствующего договора одобрен Правительством РФ и направлен для прохождения национальных процедур подписания. **Методы:** диалектический метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод межотраслевых юридических исследований. **Выводы.** Создание систем регистрации товарных знаков, знаков обслуживания и наименования места происхождения товара ЕАЭС способно оказать положительное влияние на оздоровление конкурентной среды, инвестиционный климат в рамках экономического пространства Союза и национальные экономики государств-членов и, кроме того, повысить востребованность института НМПТ. **Научная и практическая значимость.** Изучение деятельности ЕАЭС по созданию регионального механизма регистрации средств индивидуализации позволяет оценить значение нового института для дальнейшей экономической интеграции в рамках Союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, товарные знаки, наименование места происхождения товаров, недобросовестная конкуренция, исключительные права, регистрация.

Purpose. Eurasian Economic Union integration in legal protection of intellectual property is directed to free movement of goods. Regional mechanism of registration of means of individualization will allow expanding borders of their legal protection on all space of Eurasian Economic Union. EEU treaty on registration of regional brands prepares for signing and now undergoes the national procedures necessary for signing by the states of the EEU. The study tested the international regional treaties concerning legal protection of means of individualization, public discussion of the draft agreement on trademarks, service marks and appellation of origin of EEU, the instruction about registration of regional brands of the Union, scientific publications on problems of legal protection of intellectual property within EEU. **Methods:** dialectic, analysis, synthesis, legalistic method, comparative and legal method, inter-branch legal research. **Results.** Regional designations registration can increase the protection level of the exclusive rights, and as a result improve conditions for investments. Besides, regional registration of means of individualization can increase the interest of business in the appellation of origin. **Discussion.** Studying of the EEU activities in creation of systems of registration of regional brands allows estimating a role of new institute in further economic integration of the Union. **

Keywords: Eurasian Economic Union, intellectual property, means of individualization, trademarks, appellation of origin, unfair competition, exclusive rights, registration.

Цели существования Евразийского экономического союза, созданного как международная организация региональной экономической интеграции, включают установление единых правил экономического оборота посредством перехода на другой качественный уровень охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. Сотрудничество государств — участников ЕАЭС направлено на форми-

рование правовых основ для этой деятельности, а также на гармонизацию законодательства в указанной области. Правовой режим охраны применительно к средствам индивидуализации товаров, работ и услуг установлен в Приложении № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности).

* Стрелкова Ирина Ивановна, доцент кафедры права и культурологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, кандидат юридических наук, доцент. Электронный адрес: strigul68@mail.ru

Рецензент: Мухамедшин Ирик Сабиржанович, член редколлегии, заведующий кафедрой гражданского права и правовой охраны интеллектуальной собственности юридического факультета Российской государственной академии интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, профессор

** Registration of Individualization Means within the Eurasian Economic Union

Strelkova I.I., Associate Professor of the Department of Law and Culturology of the Nosov Magnitogorsk State Technical University, PhD in Law, Associate Professor

Reviewer: Muhamedshin I.S., Member of Editorial Board, Head of the Chair of Civil Law and Legal Protection of Intellectual Property of Law Faculty of the Russian State Academy of Intellectual Property, PhD in Law, Professor

Зарубежное законодательство не однозначно в определении соотношения таких обозначений, как наименование мест происхождения товаров, географические указания и указание происхождения товаров. В некоторых странах Евразийского экономического союза упоминаются все три вида средств индивидуализации. В российском праве понятие «географическое указание» в первую очередь связано с виноделием. В международной и зарубежной практике оно рассматривается как общее родовое понятие для института наименования места происхождения товара [14]. В законодательстве некоторых стран ЕАЭС (Республика Беларусь, Республика Армения) наряду с наименованием места происхождения товара упоминается также географическое указание. В законодательстве Республики Казахстан и Кыргызской Республики, как и в Российской Федерации, в качестве охраняемых средств индивидуализации предусмотрено лишь наименование места происхождения товара [13, с. 51].

Хотя в Гражданском кодексе РФ географическое указание в числе охраняемых объектов интеллектуальной собственности не значится, данному обозначению предоставляется правовая защита на базе антимонопольного законодательства [1, с. 11–12]. Это вполне согласуется с нормой п. 7 ст. 1252 Гражданского кодекса РФ и обязательствами принимать меры по предупреждению и пресечению использования ложных географических указаний, принятыми в связи со вступлением России с 2012 г. в Соглашение об учреждении ВТО. Правовая охрана географическим указаниям должна предоставляться и на основании регионального Соглашения от 4 июня 1999 г. «О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний»: в нем наряду с Российской Федерацией участвуют и другие государства, ставшие позднее членами ЕАЭС [7]. Договор о Евразийском экономическом союзе возлагает на государства-члены обязанность принимать скоординированные меры, направленные на предотвращение и пресечение оборота контрафактной продукции, а также противодействовать использованию любых средств обозначения или презентации товара, способных вводить потребителя в заблуждение относительно места происхождения и особых свойств товара [2]. Тем самым Договор подтвердил приверженность его участников принципам Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г.: по смыслу ст. 10-bis Конвенции подобные действия подлежат запрету, как акты недобросовестной конкуренции [4].

Различия в законодательном регулировании, терминологическая неопределенность, исторически сложившаяся в связи с употреблением указанных терминов [15, с. 173], а также особенности правового режима средств индивидуализации [12, с. 63] подтверждают необходимость гармонизации подходов к предоставлению правовой охраны указанным обозначениям в рамках Союза. В отличие от географических указаний, в отношении товарных знаков и знаков обслуживания, наименования мест происхождения товаров предоставление правовой охраны связано с необходимостью государственной регистрации [5, с. 20]. Поэтому вопросы совершенствования административно-правовых средств регистрации при охране и использовании интеллектуальной собственности приобретают в этой связи особое значение [8, с. 8].

Правовая охрана, предоставляемая указанным обозначениям, имеет территориальные границы, и для ее получения в других государствах требует-

ся зарегистрировать обозначение в патентном ведомстве каждого из государств в соответствии с национальным законодательством. В целях расширения указанных границ Договором о Евразийском экономическом союзе (ст. 89) предусмотрен механизм регистрации региональных товарных знаков, знаков обслуживания и наименования места происхождения товара Евразийского экономического союза [16, с. 107].

Отношения, возникающие в связи с регистрацией, правовой охраной и использованием указанных средств индивидуализации на территориях государств — членов ЕАЭС, должны регулироваться международным договором в рамках Союза (п. 15 и 23 Протокола). Проект соответствующего Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза, представленный Минэкономразвития РФ, одобрен распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2017 г. № 171 [6] и направлен в государства-члены для проведения внутригосударственных процедур, необходимых для его подписания.

Создаваемый Договором механизм регистрации товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС включает:

- подачу одной заявки на товарный знак Союза (заявки на НМПТ Союза) в любое из патентных ведомств государств-членов;
- получение единого охранного документа на территории Союза (свидетельства на товарный знак Союза, свидетельство на право использования НМПТ Союза);
- взаимодействие заявителя только с одним ведомством (принцип «одного окна»);
- ведение Единого реестра товарных знаков Союза и Единого реестра НМПТ Союза, размещаемых на официальном сайте Союза [17].

В случае если на имя одного и того же правообладателя зарегистрировано тождественное обозначение в качестве товарного знака в каждом из государств-членов, такое лицо вправе по своему выбору подать ходатайство о выдаче свидетельства на товарный знак Союза в любое национальное патентное ведомство. Национальные патентные ведомства обязаны проставить в национальных реестрах товарных знаков отметку о регистрации товарного знака Союза в едином региональном реестре товарных знаков и о замене такой регистрацией предшествующей национальной регистрации (не затрагивая прав, приобретенных в силу предшествующей регистрации в каждом из государств-членов).

В отношении системы регистрации НМПТ Союза Договором предусмотрен предварительный обмен информацией государствами-членами о включенных в соответствующие национальные реестры перечнях зарегистрированных до вступления в силу Договора наименований мест происхождения товара (ст. 23 Договора). После завершения такого обмена по ходатайству национального правообладателя (правообладателей) и при условии уплаты установленных пошлин сведения о наименовании места происхождения товара, зарегистрированном до даты вступления в силу Договора, будут вноситься в единый реестр НМПТ Союза с выдачей свидетельства о праве использования обозначения. Упрощение процедур регистрации средств индивидуализации должно привести к сокращению издержек бизнеса, способствовать устранению избыточных барьеров на пути свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территории го-

сударств-членов и тем самым обеспечить продвижение интересов Российской Федерации, российских производителей [3, с. 167]. По сравнению со странами, где регистрация НМПТ активно используется для продвижения интересов национальных производителей, в России, несмотря на некоторую положительную динамику числа зарегистрированных НМПТ в последние годы, данный институт пока востребован недостаточно. По данным открытых реестров ФИПС, число зарегистрированных НМПТ составляет 199 (для сравнения — товарных знаков и знаков обслуживания 699 999). Поэтому вторым ожидаемым эффектом от создания систем регистрации региональных объектов интеллектуальной собственности может стать привлечение внимания бизнес-сообщества к институту наименования места происхождения товаров, его популяризация.

Литература

1. Гаврилов Э.П. Как надо защищать наименования мест происхождения товаров и географические указания / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 5. С. 9–14.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (в ред. от 8 мая 2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 12 августа 2017 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2018).
3. Карпова Е.В. Проблемы правового регулирования инновационной деятельности в сфере предпринимательства / Е.В. Карпова // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 5. С. 165–170.
4. Конвенция по охране промышленной собственности : заключена в Париже 20 марта 1883 г. (в ред. от 2 октября 1979 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2018).
5. Никитченко А.А. Регистрационная деятельность при охране и использовании интеллектуальной собственности / А.А. Никитченко // Право интеллектуальной собственности. 2012. № 3 (23). С. 19–23.
6. О подписании Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза : распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2017 г. № 171 // Сайт Правительства РФ: <http://government.ru/docs/all/110294/> (дата обращения: 07.02.2018).
7. О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний (Соглашение от 4 июня 1999 г.) : утверждено постановлением Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 726 // Бюллетень международных договоров. 2002. № 3.
8. Порунова О.А. Совершенствование средств административно-правовой регистрации результатов интеллектуальной деятельности / О.А. Порунова // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 1 (33). С. 8–10.
9. Посталюк М.П. Реализация инновационной интеллектуальной собственности в региональной экономической системе / М.П. Посталюк // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 21–24.
10. Публичная декларация целей и задач Федеральной службы по интеллектуальной собственности на 2017 год : утв. Роспатентом 11 апреля 2017 г. № ВН-09-2 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2018).
11. Рахматулина Р.Ш. Средства индивидуализации и другие обозначения в праве интеллектуальной

собственности / Р.Ш. Рахматулина // Финансы: Теория и Практика. 2012. № 3. С. 57–63.

12. Тюнин М.В. Интеллектуальная собственность в Евразийском экономическом союзе / М.В. Тюнин [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». 2014 (дата обращения: 06.02.2018).

13. Фабричный С.Ю. Региональные бренды России: основные направления развития / С.Ю. Фабричный, О.А. Рузакова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 5. С. 46–53.

14. Харитонов Ю.С. Использование типичных и нетипичных средств индивидуализации для стимулирования спроса и продвижения отечественных товаров в условиях импортозамещения / Ю.С. Харитонов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3. С. 20–25 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2018).

15. Шахназарова Э.А. Особенности международной-правовой охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний в свете принятия женеvского акта лиссабонского соглашения 20 мая 2015 г. / Э.А. Шахназарова // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 171–180.

16. Шугурова И.В. Гармонизация права интеллектуальной собственности в условиях Евразийской экономической интеграции: основные достижения и перспективы / И.В. Шугурова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 104–109.

17. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-03-2016-3.aspx> (дата обращения: 07.02.2018).

References

1. Gavrilov E.P. Kak nado zaschischat naimenovaniya mest proiskhozhdeniya tovarov i geograficheskiye ukazaniya [How to Protect Appellations of Origin and Geographical Indications] / E.P. Gavrilov // Patent' i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2017. № 5. S. 9–14.
2. Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze : podpisan v g. Astone 29 maya 2014 g. (v red. ot 8 maya 2015 g., s izm. i dop., vstup. v silu s 12 avgusta 2017 g.) [Elektronny'y resurs]. Dostup iz SPS «KonsultantPlyus» (data obrascheniya: 08.02.2018).
3. Karpova E.V. Problemy' pravovogo regulirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti v sfere predprinimatel'stva [Issues of Legal Regulation of Innovative Activities in the Business Sector] / E.V. Karpova // Ustoychivoe razvitiye nauki i obrazovaniya — Sustainable Development of Science and Education. 2017. № 5. S. 165–170.
4. Konventsiya po okhrane promy'shlennoy sobstvennosti : zaklyuchena v Parizhe 20 marta 1883 g. (v red. ot 2 oktyabrya 1979 g.) // SPS «KonsultantPlyus» (data obrascheniya: 08.02.2018).
5. Nikitchenko A.A. Registratsionnaya deyatel'nost pri okhrane i ispolzovanii intellektualnoy sobstvennosti [Registration Activities in Protection and Use of Intellectual Property] / A.A. Nikitchenko // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2012. № 3 (23). S. 19–23.
6. O podpisanii Dogovora o tovarny'kh znakah, znakh obsluzhivaniya i naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza : rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 2 fevralya 2017 g. № 171 // Sayt Pravitel'stva RF: <http://government.ru/docs/all/110294/> (data obrascheniya: 07.02.2018).
7. O merakh po preduprezhdeniyu i presecheniyu ispolzovaniya lozhny'kh tovarny'kh znakov i geograficheskikh ukazaniy (Soglasenie ot 4 iyunya

1999 г.) : utverzhdeno postanovleniem Pravitelstva RF ot 15 oktyabrya 2001 g. № 726 // Byulleten mezhdunarodny'kh dogovorov. 2002. № 3.

8. Porunova O.A. Sovershenstvovanie sredstv administrativno-pravovoy registratsii rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti [Improvement of the Means of Administrative Law Registration of Intellectual Activity Results] / O.A. Porunova // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 1 (33). S. 8–10.

9. Postalyuk M.P. Realizatsiya innovatsionnoy intellektualnoy sobstvennosti v regionalnoy ekonomicheskoy sisteme [Implementation of Innovative Intellectual Property in the Regional Economic System] / M.P. Postalyuk // Problemy' sovremennoy ekonomiki — Issues of Modern Economy. 2010. № 4. S. 21–24.

10. Publichnaya deklaratsiya tseley i zadach Federal'noy sluzhby' po intellektualnoy sobstvennosti na 2017 god : utv. Rospatentom 11 aprelya 2017 g. № VN-09-2 [Public Declaration of Aims and Tasks of the Federal Service for Intellectual Property for 2017 : approved by the Federal Service for Intellectual Property on April 11, 2017 No. BH-09-2] // SPS «KonsultantPlyus» (data obrascheniya: 06.02.2018).

11. Rakhmatulina R.Sh. Sredstva individualizatsii i drugie oboznacheniya v prave intellektualnoy sobstvennosti [Individualization Means and Other Identification Marks in the Intellectual Property Law] / R.Sh. Rakhmatulina // Finansy': Teoriya i Praktika — Finance: Theory and Practice. 2012. № 3. S. 57–63.

12. Tyunin M.V. Intellektualnaya sobstvennost v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [Intellectual Property in the Eurasian Economic Union] / M.V. Tyunin // SPS «KonsultantPlyus». 2014 (data obrascheniya: 06.02.2018).

13. Fabrichny S.Yu., Regionalny'e brendy' Rossii: osnovny'e napravleniya razvitiya [Regional Brands of

Russia: the Main Development Areas] / S.Yu. Fabrichny, O.A. Ruzakova // Patenty' i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2017. № 5. S. 46–53.

14. Kharitonova Yu.S. Ispolzovaniye tipichny'kh i netipichny'kh sredstv individualizatsii dlya stimulirovaniya sprosya i prodvizheniya otechestvenny'kh tovarov v usloviyakh importozamescheniya [Use of Typical and Non-Typical Individualization Means for Demand Stimulation and Promotion of National Goods in the Conditions of Import Substitution] / Yu.S. Kharitonova // Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava — Entrepreneurial and Corporate Law Journal. 2016. № 3. S. 20–25. SPS «KonsultantPlyus» (data obrascheniya: 06.02.2018).

15. Shakhnazarova E.A. Osobennosti mezhdunarodno-pravovoy okhrany' naimenovaniy mest proiskhozhdeniya tovarov i geograficheskikh ukazaniy v svete prinyatiya zhenevskogo akta lissabonskogo soglasheniya 20 maya 2015 g. [Peculiarities of International Law Protection of Appellations of Origin and Geographical Indications in View of Adoption of the Geneva Act of the Lisbon Agreement on May 20, 2015] / E.A. Shakhnazarova // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2016. № 11 (239). S. 171–180.

16. Shugurova I.V. Garmonizatsiya prava intellektualnoy sobstvennosti v usloviyakh Evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii: osnovny'e dostizheniya i perspektivy' [Harmonization of Intellectual Property Right in Conditions of the Eurasian Economic Integration: the Key Achievements and Prospects] / I.V. Shugurova // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii — Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. № 6 (107). S. 104–109.

17. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-03-2016-3.aspx> (accessed: February 7, 2018).

Залоговые сделки с правами на объекты интеллектуальной собственности: зарубежная и отечественная практика*

Никитенко С.М., Месяц М.А., Демиденко К.А. **

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей, связанных с залогом прав на объекты интеллектуальной собственности в зарубежной и отечественной практике, акцент сделан на исследовании схемы банковского кредитования. Исследование показало, что практика кредитования под залог прав на объекты интеллектуальной собственности свойственна США, странам Европы, Азии. Опыт стран ЕС показывает, что в качестве залога для получения денежных кредитов могут использоваться товарные знаки, патенты на объекты интеллектуальной собственности, а также заявления об их регистрации. При этом используется общее и специальное законодательство. Имеющийся в России небольшой опыт залоговых сделок с участием объектов интеллектуальной собственности при банковском кредитовании позволил провести анализ заключенных договоров залога и выстроить рейтинг банков-залогодержателей. Выявлено, что в России при кредитовании под залог прав на объекты интеллектуальной собственности в качестве залогодержателей выступают не только российские, но и зарубежные банки. Зарубежная и отечественная практика подтверждает, что основным сдерживающим фактором является сложность оценки стоимости закладываемых объектов интеллектуальной собственности как нематериальных активов. Однако с учетом мировой и отечественной практики данное направление для российского рынка авторами оценивается как перспективное.

Цель. Статья посвящена исследованию особенностей зарубежной и отечественной практики осуществления залоговых сделок с правами на объекты интеллектуальной собственности.

Методы: в исследовании использованы общенаучные методы систематизации, анализа, обобщения применительно к практике заключения залоговых сделок с участием объектов интеллектуальной собственности.

Результаты. В статье обосновывается объективная возможность и необходимость развития кредитных инструментов под залог прав на объекты интеллектуальной собственности с учетом накопленного российского опыта и зарубежной практики.

Дискуссия. Имеющийся российский опыт фактически заключенных и реализованных сделок с участием прав на объекты интеллектуальной собственности демонстрирует проблемы, с которыми могут столкнуться банки (залогодержатели) и субъекты малого и среднего бизнеса (залогодатели) при кредитовании. В связи с этим возникает потребность в создании благоприятных условий для функционирования, реализации кредитных схем под залог прав на объекты интеллектуальной собственности с позиции организационно-экономических и правовых аспектов.

Ключевые слова: залог, исключительные права, коммерциализация, кредит, кредитование, нематериальные активы, объекты интеллектуальной собственности (ОИС), патент, результаты интеллектуальной деятельности, товарный знак.

Purpose. This article is devoted to research the characteristics associated with pledge of intellectual property (IP) in foreign and domestic practice. In present paper emphasis is placed on the study of the scheme of Bank lending, financing against pledge of patented intellectual property. The study showed that the practice of crediting on pledge of rights to objects of intellectual property is peculiar to the United States, Europe, and Asia. The EU experience shows that as collateral for loans can be used trademarks, patents and intellectual ownership, as well as statements of their registration. At the same time, general and special legislation is used. The small experience of collateral transactions with the participation of intellectual property objects in banking crediting in Russia allowed to analyze the concluded pledge contracts and rank the mortgage banks. It was revealed that in Russia not only Russian but also foreign banks take part as mortgagees in lending under the pledge of rights to objects of intellectual property. Foreign and domestic experience confirms that the main constraint is the difficulty of assessing the value of the pledged intellectual property as intangible assets. However, taking into account world and domestic practice this direction for Russian market is estimated by the author as promising one.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-06-00054 «Инструментально-методический подход к адаптации модели тройной спирали для условий России с учетом исторической ретроспективы».

Никитенко Сергей Михайлович, профессор кафедры экономики, доктор экономических наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», E-mail: nsm.nis@mail.ru

Месяц Мария Анатольевна, доцент кафедры экономики, кандидат экономических наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», E-mail: smukirsute42@yandex.ru

Демиденко Ксения Анатольевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», E-mail: ksenan@mail.ru

Рецензент: Городов Олег Александрович, член редколлегии, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, судья Третейского суда интеллектуальной собственности при Корпорации интеллектуальной собственности Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИИС)

Purpose. The article is devoted to research characteristics associated with pledge of intellectual property (IP) rights in foreign and domestic practice.

Methods: the research used general scientific methods of systematization, analysis, generalization in relation to practice of concluding mortgage transactions involving intellectual property.

Results. The article substantiates the objective possibility and necessity of development of credit instruments on the pledge of intellectual property rights, taking into account the accumulated Russian experience and foreign practice.

Discussion. The existing Russian experience of actually concluded and implemented transactions involving the intellectual property rights demonstrates the problems that can be faced by banks (mortgagees) and small and medium-sized businesses (pledgers) in lending. In this regard, there is a need to create favorable conditions for operation, implementation of credit schemes with pledge of intellectual property rights in organizational, economic and legal aspects. **

Keywords: pledge, exclusive rights, commercialization, loan (credit), lending, intangible assets, intellectual property (IP), patent, results of intellectual activity, trademark.

Актуальность настоящего исследования вызвана возрастанием в современных экономических условиях роли прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС) как нематериальных активов (НМА) в деятельности не только крупных корпораций, но и в сфере малого и среднего бизнеса. Интеллектуальная собственность, обеспечивая внедрение в производство технологических инноваций, одновременно может выступать в качестве инструмента взаимодействия между правительством, бизнесом, наукой и обществом [1; 2; 3]. «Инновационное развитие экономики России сегодня требует не только государственного финансирования, но и активного участия в этом процессе частного капитала с привлечением кредитных организаций [4, с. 24].

Интеллектуальная собственность, выступая в качестве важнейшего актива компании, определяющего ее конкурентоспособность на рынке, может быть вовлечена в залоговые сделки при кредитовании в условиях потребности в активном инвестировании средств для развития бизнеса. Значимость интеллектуальной собственности при реализации инвестиционных проектов подчеркивается отражением данного аспекта в правовых актах (в частности, в Постановлении Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности»). При этом в научных публикациях все чаще поднимаются вопросы, касающиеся патентной активности. Следует подчеркнуть, что посредством реализации залоговых сделок патентная активность усилится [5].

Цель настоящей статьи — исследовать особенности зарубежной и отечественной практики осуществления залоговых сделок с правами на ОИС.

К числу основных форм коммерческого использования предприятиями интеллектуальной собственности относятся следующие:

- использование ОИС в собственной финансово-хозяйственной деятельности;
- лицензирование;
- продажа прав на ОИС;

— внесение имущественных прав в качестве вклада в уставный капитал при формировании хозяйственных обществ (в РФ это направление регламентируется Федеральным законом от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»);

— использование имущественных прав в качестве залога (в том числе кредитование под залог прав на ОИС).

Для развитых стран «кредитование под лицензионные соглашения (роялти), прямой залог патентов или торговых марок» считается традиционным финансовым инструментом [4, с. 24]. Опыт зарубежных стран показывает, что кредитование бизнеса под залог прав на ОИС сегодня выступает в качестве одного из распространенных кредитных инструментов. В качестве объекта таких сделок выступает имущественное право на объекты интеллектуальной собственности (например, на патенты и патентные заявки), используемые как активы для обеспечения по кредитам или иным кредитным договорам. В целях кредитования под залог прав на ОИС могут быть задействованы формальные (патенты и товарные знаки, которые являются объектами официальной системы регистрации) и неформальные права на интеллектуальную собственность (авторское право) [6]. «Разнообразие видов объектов интеллектуальной собственности, конечно, будет определять и разнообразие форм и способов кредитования под залог ИС» [4, с. 24].

Исследование авторов показывает, что практика кредитования под залог прав на ОИС свойственна США, странам Европы (в частности, Австрии, Великобритании, Испании, Италии, Нидерландам, Франции). В литературе встречаются упоминания об имеющемся опыте залоговых сделок с участием ОИС в Индии, Гонконге, Китае, Тайване [7; 8]. В России «в официальной статистике такой вид кредитных опе-

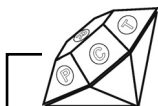
** Pledge transactions with intellectual property rights: foreign and domestic practice

Nikitenko S.M., Professor at the Department of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Kemerovo Institute (branch)

Mesyats M.A., Associate Professor at the Department of Economics, PhD in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Kemerovo Institute (branch)

Demidenko K.A., Associate Professor at the Department of Humanities, PhD in Philology, Plekhanov Russian University of Economics, Kemerovo Institute (branch) Kemerovo, Russia

Reviewer: Gorodov O.A., Member of Editorial Board, Professor of Law Faculty of St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, the Judge of the Arbitration court of Intellectual Property at Corporation of Intellectual Property of the National Scientific Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP)

раций, как кредитование под залог интеллектуальной собственности, не представлен вовсе» [4, с. 24].

В ходе исследования установлено, что сделки по кредитованию под залог прав на ОИС в странах Европы регламентируются общим (например, Гражданский кодекс Нидерландов) и специальным законодательством (например, Закон о патентах Великобритании, Кодекс Италии по интеллектуальной собственности, Кодекс интеллектуальной собственности Франции, Французский торговый кодекс). Во многих странах предусмотрена возможность регистрации сделок с ОИС в государственном реестре, что гарантирует права участвующих в сделке сторон. Однако практика Нидерландов показывает, что регистрация договора залога в соответствующем реестре интеллектуальной собственности не всегда является необходимой для действительного создания залога по правам на ОИС (это зависит от права на интеллектуальную собственность) [9]. Страновые особенности правового регулирования и регистрации залоговых обеспечений в некоторых странах ЕС приведены в таблице 1.

При этом следует подчеркнуть, что в залоговых сделках с правами на объекты интеллектуальной собственности проблемным моментом является вопрос оценки стоимости прав на ОИС как НМА, когда возникает необходимость в качественной оценке последних для принятия грамотных управленческих решений (зачастую балансовая стоимость имущества предприятия занижается).

При постановке НМА на учет российские предприятия руководствуются Положением по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007), Международным стандартом финансовой отчетности — МСФО 38 (IAS 38) и учетной политикой организации. При этом имеются утвержденные методическими рекомендациями методы оценки рыночной стоимости интеллектуальной собственности, оцениваемые специалистами в качестве достаточно субъективных. Однако при определенных видах кредитных сделок представляется возможным объективно «оценить размер залогового обеспечения, например при кредитовании под залог будущих поступлений по лицензионному договору (роялти)», используя «традиционные методы дисконтирования будущих денежных поступлений. Уникальность объектов интеллектуальной собствен-

ности ограничивает возможности использования сравнительного метода оценки» [4, с. 27].

Важно отметить, что для залоговых сделок с использованием прав на ОИС наряду с преимуществами характерны потенциальные высокие риски для участвующих сторон. Для снижения рисков страны разрабатывают специальное законодательство, регулирующее сделки с правами ОИС, соответственно, компании и банки используют ряд защитных механизмов: предварительная оценка рыночной стоимости ОИС, определение оптимального способа расчета амортизационных начислений и сроков амортизации, переоценка стоимости, использование ОИС в качестве залога в сочетании с иными активами предприятия, предварительный экспертный анализ экономической эффективности использования ОИС и т.д. [6; 10; 11; 12].

В России при кредитовании под залог прав на ОИС для банков прежде всего возникает «вопрос минимизации рисков, объективной оценки стоимости ИС и дальнейшей реализации ИС в случае невозврата кредита. Цели залогодателя, стремящегося получить кредит:

- доказать ликвидность интеллектуальной собственности;
- показать возможность использования ИС в дальнейшем отдельно от бизнеса залогодателя;
- доказать срок жизненного цикла ИС» [4, с. 25].

В России опыт залоговых сделок с правами на ОИС при банковском кредитовании невелик. Тем не менее с принятием в 2006 г. 4-й части Гражданского кодекса Российской Федерации в стране активизировались процессы, связанные с заключением договоров по отчуждению прав на ОИС. Так, с 2009 г. в стране уже накопился некоторый опыт совершения залоговых сделок с участием прав на ОИС. Любые договоры по распоряжению исключительным правом на патентуемые объекты интеллектуальной собственности и товарные знаки (в том числе залоговые сделки) в России подлежат регистрации в Роспатенте [13] (таблица 2).

Ежегодно в 2013–2016 гг. в залоговых сделках с правами на ОИС, зарегистрированными в Роспатенте, участвует около 20 российских и зарубежных банков. Известно, что данная залоговая практика в России зачастую свойственна деятельности головных банков. При этом российская практика кредито-

Таблица 1

Объекты интеллектуальной собственности и органы регистрации залоговых сделок с целью кредитования в отдельных странах ЕС

Объект и особенности его использования при залоговых сделках	Великобритания	Испания	Италия	Нидерланды	Франция
Патент	+	+	+	+	+
Заявка на патент	+	+	н/д	н/д	н/д
Товарный знак	н/д	+	+	+	+
База данных	н/д	н/д	н/д	+	н/д
Промышленный образец	н/д	н/д	н/д	+	н/д
Орган регистрации залогового права	Британское ведомство по интеллектуальной собственности (UK Intellectual Property Office)	Испанский реестр патентов и товарных знаков	Итальянский реестр товарных знаков и патентов (UIBM)	— Налоговые органы Нидерландов; — Реестры ИС Нидерландов	Национальный институт промышленной собственности (INPI)

Источник: составлено авторами на основе [6; 9; 10; 11; 12].

Таблица 2

Количество договоров залога ОИС, зарегистрированных Роспатентом в 2009–2016 гг. (шт.)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Договоров залога исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности	-	8	16	17	20	15	13	9
Договоров залога исключительных прав на товарные знаки	16	62	52	24	60	40	58	72
Количество товарных знаков, в отношении которых заключены договоры залога	н/д	195	280	82	191	258	362	689
Всего договоров залога исключительных прав на ОИС	16	70	68	41	80	55	71	81

Источник: составлено авторами на основе [13].

Таблица 3

Количество зарегистрированных в Роспатенте договоров залога в 2013–2016 гг. по российским банкам-залогодержателям*

Банк	Количество зарегистрированных договоров залога					Место в рейтинге российских банков по стоимости их брендов (2014 г.)**
	2013	2014	2015	2016	Всего за 2013–2016	
Наиболее активные банки						
ПАО «Сбербанк России» (ранее ОАО)	3	14	20	9	46	1
«Московский кредитный банк» (ОАО)	2	3	4	1	10	23
ПАО Банк «Финансовая Корпорация Открытие» (ранее ОАО)	2	0	3	2	7	15
ПАО «Объединенный финансовый капитал»	0	0	2	5	7	н/д
ОАО АКБ «Международный финансовый клуб»	1	2	1	2	6	н/д
АО «Российский сельскохозяйственный банк»	1	0	0	4	5	8
АКБ «Пробизнесбанк»	5	0	0	0	5	21
Активные банки						
АО «Нефтепромбанк»	2	1	1	0	4	н/д
ОАО «МДМ Банк»	2	0	2	0	4	22
Международный коммерческий инвестиционный банк «РОССИТА-БАНК» (ООО)	0	3	0	1	4	н/д
ПАО «Банк «Санкт-Петербург» (ранее ОАО)	0	1	2	0	3	14
ЗАО «ЮниКредит Банк»	1	1	0	1	3	н/д
ПАО «БАНК УРАЛСИБ» (ранее ОАО)	0	0	1	2	3	12
АКБ «Банк Москвы» (ОАО)	0	1	0	1	2	4
ОАО «Промсвязьбанк»	1	0	0	1	2	10
ПАО «МТС-Банк» (ранее ОАО)	0	1	1	0	2	29
ОАО КБ «Петрокоммерц»	0	0	2	0	2	25
Наименее активные банки						
Банк ВТБ (ОАО)	0	1	0	0	1	2
ОАО «НОМОС-БАНК»	0	1	0	0	1	9
ЗАО «Кредит Европа Банк»	0	1	0	0	1	27

Банк	Количество зарегистрированных договоров залога					Место в рейтинге российских банков по стоимости их брендов (2014 г.)**
	2013	2014	2015	2016	Всего за 2013–2016	
Московский Индустриальный Банк	1	0	0	0	1	31
АКБ «Абсолют Банк»	0	0	0	1	1	43
ОАО КБ «Центр-Инвест»	0	1	0	0	1	48
ООО КБ «Финансово-промышленный капитал»	1	0	0	0	1	н/д
Инвестиционный банк «Веста» (ООО)	0	0	1	0	1	н/д

Источник: * составлено на основе данных Роспатента;

** составлено на основе рейтинга www.banki.ru

вания под залог прав на ОИС показывает, что многие сделки осуществляются «с привлечением филиалов зарубежных банков и иностранных компаний-оценщиков, а также структурируются согласно английскому праву» [4, с. 29].

Следует отметить, что в региональных банках (филиалах) сделки по кредитованию бизнеса под залог ОИС также имеют место. В частности, в Кемеровской области в 2010 г. Роспатентом зарегистрирована сделка между Акционерным коммерческим банком «Кузбассхимбанк» (ОАО), выступившим в роли залогодержателя, и залогодателем — ЗАО «Кемеровский агрохимический завод «Вика», г. Кемерово. В 2013 г. в Роспатенте зарегистрирована сделка между залогодержателем из г. Новосибирска — ОАО «МДМ Банк» и залогодателем ОАО «АВТОДОМ» (г. Москва).

В ходе проведенного авторами исследования установлено, что не все банки, участвующие в договорах о залоге прав на ОИС в России, имеют регулярный характер заключения подобных сделок. Все банки, участвующие в договорах залога, зарегистрированных в период с 2013 по 2016 г. в Роспатенте, можно разделить на три категории:

— *банки, постоянно участвующие в залоговых сделках* (например, ПАО «Сбербанк России», «Московский кредитный банк» (ОАО), ОАО АКБ «Международный финансовый клуб» и др. банки, которые зарегистрированы в качестве залогодержателей в неоднократных ежегодных залоговых сделках);

— *банки, периодически участвующие в залоговых сделках* (например, ОАО «Дальневосточный банк» участвовал однократно в договорах залога в 2013 и 2014 гг., ПАО Банк «Финансовая Корпорация Открытие» — в 2013, 2015 и 2016 гг., ОАО «Промсвязьбанк» — в 2013 г. и как ПАО «Промсвязьбанк» — в 2016 г., ОАО «Российский Сельскохозяйственный банк» — в 2013 и 2016 гг. и др.);

— *банки — разовые участники залоговых сделок* (например, Европейский Банк Реконструкции и Развития, Лондон, Великобритания (GB), Открытое акционерное общество коммерческий банк «Центр-Инвест», Акционерный коммерческий банк «Абсолют Банк», Инвестиционный Банк «ВЕСТА» (Общество с ограниченной ответственностью), Амстердамский Торговый Банк Н.В., Амстердам, Нидерланды (NL) и др. банки).

С учетом этого авторами выстроен рейтинг российских банков по **суммарному количеству зарегистрированных договоров залога прав на ОИС за анализируемый период времени — 2013–2016 гг.** При этом все российские банки — участ-

ники договоров залога прав на ОИС условно разделены на 3 группы (без учета периодичности заключения договоров):

1) *наиболее активные банки* — участвовали в 5 и более зарегистрированных договорах залога ОИС за анализируемый период времени;

2) *активные банки* — участвовали в двух-четыре зарегистрированных договорах залога ОИС за анализируемый период времени;

3) *наименее активные банки* — участвовали в одном договоре залога ОИС, зарегистрированном в Роспатенте за анализируемый период времени (таблица 3).

Упомянутые банки — участники залоговых договоров в качестве залогодержателей ОИС были выявлены в **рейтинге российских банков по стоимости их брендов (по данным 2014 г.)**. Это свидетельствует о том, что данные банки озабочены стоимостью своих брендов и работают над вопросом продвижения своих знаков обслуживания на рынке.

Как показало исследование, основным сдерживающим фактором в вопросе распространения практики банковского кредитования под залог прав на ОИС в России является сложность оценки стоимости закладываемых прав на ОИС как нематериальных активов. Тем не менее, с позиции авторов, имеющаяся российская практика залога прав на ОИС при кредитовании и применение опыта зарубежных стран может выступить в качестве прочной основы для развития инновационной деятельности и рынка банковских услуг. При этом сам залог прав на ОИС оценивается авторами в качестве перспективного инструмента развития малых, средних и крупных компаний, использующих в своей деятельности ОИС как нематериальные активы.

Литература

1. Nikitenko S.M. Intellectual property as instrument for implementation of innovative technologies / S.M. Nikitenko, M.A. Mesyats, E.O. Pakhomova // Conference on Knowledge-Based Technologies in Development and Utilization of Mineral Resources, June 2016, Novokuznetsk, Russia. *Advances in Economics, Business and Management Research*, volume 38. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ttiess-17/25885480>

2. Nikitenko S.M. Intellectual property as an instrument of interaction between government, business, science and society / S.M. Nikitenko, M.A. Mesyats, O.V. Rozhkova // International Scientific and Research Conference on Knowledge-based Technologies in Development and Utilization of Mineral Resources

(KTDUMUR2017), 6–9 June 2017, Novokuznetsk, Russian Federation. URL: <http://iopscience.iop.org/issue/1755-1315/84/1> (To cite this article: S.M. Nikitenko et al 2017 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 84 012015).

3. Никитенко С.М. Реализация совместных инновационных проектов бизнеса и местной власти как фактор устойчивого экономического развития муниципального образования / С.М. Никитенко, Л.П. Патракова, С.В. Гоосен // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 24. С. 17–26.

4. Валетдинова Э.Н. Интеллектуальная собственность как залоговое обеспечение при банковском кредитовании / Э.Н. Валетдинова // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 2 (34). С. 23–29.

5. Кравцов А.А. Развитие исследований инновационных процессов на основе патентной статистики: аналитический обзор / А.А. Кравцов // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 3 (35). С. 144–167.

6. Livio Esposizione. IP rights and loan financing: European perspective / Livio Esposizione. URL: http://techlaw.org/wp-content/uploads/2011/05/110426_IP-rights-and-loan-financing_1.pdf?x13654 (accessed: 29.01.2017).

7. Jie Chen. Research on the Evaluation Pattern of Intellectual Property Pledge Financing / Jie Chen, Zeming Yuan // 2nd International Conference on Industrial Technology and Management (ICITM 2012) IPCSIT vol. 49 (2012). IACSIT Press, Singapore, 2012. DOI: 10.7763/PCISIT.2012.V49.5 3

8. EMPLOYERS, EMPLOYEES, and INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS. Intellectual Property Assignment Agreements: Are there any limits on these «Brain Trust Mortgages?» / prepared by: John P. McNeill, Law Office of John P. McNeill, P.C. / Admitted in North Carolina and Virginia, Cary, North Carolina, USA. 2011, 2015.

9. Loans & Secured Financing 2016 / contributing editor George E Zobitz Cravath, Swaine & Moore LLP. London : Law Business Research Ltd, 2016. 120 p.

10. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 23 février 2015). URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=363403 (accessed: 29.01.2017).

11. Dutch Civil Code, Book 3. URL: <http://www.dutchcivillaw.com> (accessed: 08.02.2017).

12. Marshall J. Taking security over patents / J. Marshall, R. Caldwell, B. Cain. URL: <https://united-kingdom.taylorwessing.com/synapse/march14.html> (accessed: 29.01.2017).

13. Отчет о деятельности Роспатента за 2016 год. URL: http://www.rupto.ru/about/reports/2016/otchet_2016_ru.pdf (accessed: 08.04.2017).

References

1. Nikitenko S.M. Intellectual Property as an Instrument for Implementation of Innovative Technologies / S.M. Nikitenko, M.A. Mesyats, E.O. Pakhomova // Conference on Knowledge-Based Technologies in Development and Utilization of Mineral Resources, June 2016, Novokuznetsk, Russia. Advances in Economics, Business and Management Research, T. 38. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ttiess-17/25885480>

2. Nikitenko S.M. Intellectual Property as an Instrument of Interaction between Government, Business, Science and Society / S.M. Nikitenko, M.A. Mesyats,

O.V. Rozhkova // International Scientific and Research Conference on Knowledge-based Technologies in Development and Utilization of Mineral Resources (KTDUMUR2017), June 6 to 9, 2017, Novokuznetsk, the Russian Federation. URL: <http://iopscience.iop.org/issue/1755-1315/84/1> (To cite this article: S.M. Nikitenko et al. 2017 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 84 012015).

3. Nikitenko S.M. Realizatsiya sovmestny'kh innovatsionny'kh projektov biznesa i mestnoy vlasti kak faktor ustoychivogo ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya [Implementation of Joint Innovative Projects of Business and Local Government as a Factor of Sustainable Economic Development of a Municipal Territory] / S.M. Nikitenko, L.P. Patrakova, S.V. Goosen // Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika — Regional Economy: Theory and Practice. 2009. № 24. S. 17–26.

4. Valetdinova E.N. Intellektualnaya sobstvennost kak zalogovoe obespechenie pri bankovskom kreditovanii [Intellectual Property as Collateral in Bank Lending] / Valetdinova E.N. // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 2 (34). S. 23–29.

5. Kravtsov A.A. Razvitie issledovaniy innovatsionny'kh protsessov na osnove patentnoy statistiki: analiticheskiy obzor [Development of Innovative Process Research Based on Patent-Statistics: Analytical Review] / A.A. Kravtsov // Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii — New Economic Association Journal. 2017. № 3 (35). S. 144–167.

6. Livio Esposizione. IP Rights and Loan Financing: European perspective / Livio Esposizione. URL: http://techlaw.org/wp-content/uploads/2011/05/110426_IP-rights-and-loan-financing_1.pdf?x13654 (accessed: January 29, 2017).

7. Jie Chen. Research on the Evaluation Pattern of Intellectual Property Pledge Financing / Jie Chen, Zeming Yuan // 2nd International Conference on Industrial Technology and Management (ICITM 2012) IPCSIT T. 49 (2012). IACSIT Press, Singapore, 2012. DOI: 10.7763/PCISIT.2012.V49.5 3.

8. EMPLOYERS, EMPLOYEES, and INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS. Intellectual Property Assignment Agreements: Are there any Limits on these «Brain Trust Mortgages?» / prepared by: John P. McNeill, Law Office of John P. McNeill, P.C. / Admitted in North Carolina and Virginia, Cary, North Carolina, USA. 2011, 2015.

9. Loans & Secured Financing 2016 / contributing editor George E Zobitz Cravath, Swaine & Moore LLP. London : Law Business Research Ltd, 2016. 120 s.

10. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 23 février 2015) [Intellectual Property Code (as amended on February 23, 2015)]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=363403 (accessed: January 29, 2017).

11. Dutch Civil Code, Book 3. URL: <http://www.dutchcivillaw.com> (accessed: February 8, 2017).

12. Marshall J. Taking Security over Patents / J. Marshall, R. Caldwell, B. Cain. URL: <https://united-kingdom.taylorwessing.com/synapse/march14.html> (accessed: January 29, 2017).

13. Otchet o deyatelnosti Rospatenta za 2016 god [Report on the Activities of the Federal Service for Intellectual Property, Patents and Trademarks for 2016]. URL: http://www.rupto.ru/about/reports/2016/otchet_2016_ru.pdf (accessed: April 8, 2017).

Условия эффективного управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке

Ханкевич А.Г.*

Цель. В статье на основе тезисов доклада, представленного автором на секции «Управление интеллектуальной собственностью в кредитной организации и страхование рисков интеллектуальной собственности» IX международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности», состоявшегося 7 апреля 2017 г. в Москве в РЭУ им. Г.В. Плеханова, исследуются объекты интеллектуальных прав в составе портфеля интеллектуальной собственности эмитента ценной бумаги. В статье выделяются условия, необходимые для эффективного управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке. **Методы:** автор выделяет специфику интеллектуальной собственности как объекта оборота, цели и задачи управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке, источники раскрытия информации для финансовых инвесторов об объектах из портфеля интеллектуальной собственности эмитента, институциональные обеспечительные условия для эффективного управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке. Автор описывает задачи проекта, инициированного АНО РНИИИС, по разработке нового национального стандарта «Интеллектуальная собственность. Управление на фондовом рынке».

Ключевые слова: фондовый рынок, рынок интеллектуальной собственности, РНИИИС, национальный стандарт «Интеллектуальная собственность, управление на фондовом рынке», ценная бумага, сформированный интеллектуальной собственностью актив, нематериальный актив.

Purpose. The author studies the objects of intellectual rights in the intellectual property portfolio of the issuer of the security. The article highlights the conditions necessary for effective management of intellectual property on the stock market. **Methods:** the author identifies the specifics of intellectual property as an object of turnover, the purposes and tasks of managing intellectual property on the stock market, the sources of information disclosure for financial investors about objects from the issuer's intellectual property portfolio, institutional security conditions for effective management of intellectual property on the stock market. The author describes the tasks of the project initiated by "RSRIIP" to develop a new national standard "Intellectual Property. Management in the stock market".**

Keywords: stock market, intellectual property market, NSRIIP, national standard "Intellectual property, management in the stock market, intellectual property asset, intangible asset.

Инновационная экономика во многом базируется/основывается на рынке интеллектуальной собственности. В широком смысле понятие *рынок интеллектуальной собственности* включает в себя и фондовые рынки ценных бумаг, где торгуются акции и облигации, обеспеченные интеллектуальной собственностью.

Общеизвестны зарубежные биржи (NASDAQ, NYSE Alternext, Токийская фондовая биржа и др.), где обращаются акции высокотехнологичных компаний, в балансе которых нематериальные активы существенно преобладают над материальными средствами производства. Или, иными словами, это ценные бумаги обществ, существенная часть стои-

мости которых «сформирована» стоимостью интеллектуальной собственности, непосредственно связанной с общественной/публичной значимостью компании, чем во многом определяется стоимость этой ценной бумаги. И очевидно, что инициатива компании по выпуску этой ценной бумаги «*обеспеченной интеллектуальной собственностью*» предопределена значимостью этой подконтрольной компании интеллектуальной собственности, чему в публичном доступе для всех участников рынка ценных бумаг есть доступная подтверждающая информация. В большинстве случаев это пакет (портфель) интеллектуальной собственности, включающий исключительные права на средства индивидуализации

* Ханкевич Андрей Георгиевич, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела аудита, оценки, экспертизы и стандартизации интеллектуальной собственности РНИИИС, доцент базовой кафедры РНИИИС «Управление интеллектуальной собственностью» РЭУ им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук. Электронный адрес: Khankevich@gmail.com

Рецензент: Зенин Иван Александрович, главный редактор, заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИИС, профессор кафедры гражданского права и заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, патентный поверенный РФ, член Международной ассоциации интеллектуальной собственности (ATRIP, Швейцария)

** **Conditions of Efficient Intellectual Property Management on the Stock Market**

Khankevich A.G., Leading Researcher of the Research Department of Audit, Evaluation, Examination, and Standardization of Intellectual Property NSRIIP, Associate Professor of the Department of NSRIIP «Intellectual Property Management» Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences.

Reviewer: Zenin I.A., Editor in Chief, Head of Research Department of Member of the Scientific and Technical Council of the National Scientific Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP), Professor of the Department of Civil Law and Emeritus Professor of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, patent attorney (Registration number 14), a Member of the International Association of Intellectual Property (ATRIP, Switzerland), a Member of the Scientific and Technical Council of the Federal Service for Intellectual Property and the Federal Institute of Industrial Property

компании (бренд/ды компании), объекты патентного права, объекты авторского права, секреты производства (ноу-хау), комплексные (единые) технологии по выпуску продукта/тов и/или предоставлению услуг, лицензии и др. [6].

При этом следует различать площадки фондового рынка и существующие биржи интеллектуальной собственности. Биржа интеллектуальной собственности — практическая реализация функции правообладателя по распоряжению правами на ИС. Рынок ценных бумаг, «обеспеченных интеллектуальной собственностью», — финансовый рынок, на котором обращаются акции и облигации обществ, существенная доля стоимости которых формируется за счет ценностного вклада портфеля интеллектуальной собственности в форме:

— выпуска продукции (предоставления услуг) «на базе интеллектуальной собственности»;

— «вклада» интеллектуальной собственности в уставной капитал общества (т.е. оплата доли участия в обществе, или акций общества, стоимостью интеллектуальной собственности);

— удержание доли рынка, занимаемого обществом, за счет легальной монополии, предоставляемой институтом права интеллектуальной собственности, по выпуску продукта (услуги);

— кредитов, полученных обществом, под залог интеллектуальной собственности;

— другое, по виду объектов интеллектуальной собственности.

Интеллектуальная собственность — совокупность прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и средства индивидуализации (СИ). Объект внимания фондового рынка — исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, как совокупность четырех правомочий [3]:

— право использовать РИД;

— право разрешать или запрещать использование РИД;

— право распоряжаться РИДом;

— право на вознаграждение при использовании РИД и реализации правомочий правообладателя интеллектуальной собственности.

С учетом вышесказанного термин *управление интеллектуальной собственностью на фондовом рынке* означает или трансформируется в термин *управление активами фондового рынка, существенная доля стоимости которых формируется за счет портфеля интеллектуальной собственности подконтрольной эмитенту ценной бумаги*.

Специфика интеллектуальной собственности как объектов оборота. Известны существенные отличительные особенности прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и средства индивидуализации (СИ) как объектов гражданского оборота в отличие от финансов, вещей [3]:

1) нематериальная природа объекта права определяет легкость распространения информации о совокупности признаков, идентифицирующих объект, и о сущности этих признаков. Поэтому разработаны специальные формы правовой охраны РИД (СИ) и специальные виды договоров о предоставлении права использования РИД (СИ) и передачи/отчуждения исключительных прав на РИД (СИ);

2) нематериальная (информационная) природа объекта права также предопределяет возможность многократного использования объекта в одно время вне зависимости от территорий его использования, объема и вида его использования;

3) инновационные процессы в обществе предопределяют изменчивость коммерческой значимо-

сти объекта права от времени с момента его создания; от масштаба его использования; от появления аналогов; от срока действия права на объект.

4) условиями признания исключительного права на РИД и СИ являются:

— императивная процедура по регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (промышленная собственность);

— факт создания РИД (авторское право);

— факт признания сведений, раскрывающих РИД в качестве секрета производства и установления соответствующего режима (конфиденциальности и/или коммерческой тайны).

Место интеллектуальной собственности на фондовом рынке.

Субъектный состав акторов на фондовом рынке в контексте сферы интеллектуальной собственности:

— эмитенты ценных бумаг, «обеспеченных портфелем интеллектуальной собственности»;

— брокеры;

— инвесторы (частные, институциональные, доверительные управляющие, ПИФы, общие фонды банковского управления и др.);

— руководство фондового рынка.

Объектный состав — ценные бумаги, существенная доля стоимости которых (их потребительная значимость) формируется за счет объектов из портфеля интеллектуальной собственности, контролируемых эмитентом ценной бумаги.

Цели и задачи управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке отличаются от таковых для хозяйствующих субъектов.

Состав общеизвестных и общепринятых функций управления (функции по М. Мескон) следующих [7]:

1) стратегическое планирование;

2) планирование и реализация стратегии;

3) организация взаимодействия и полномочия;

4) построение структуры управления (организации);

5) мотивация;

6) контроль.

Сравнивая функции интеллектуальной собственности с функциями управления, в контексте достижения цели по формированию системы управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке можно выделить следующие обобщенные управленческие функции, реализация которых возможна и необходима на площадках фондовых рынков:

— планирование;

— организация взаимодействия;

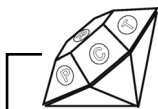
— контроль.

При этом условия для обеспечения эффективного управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке трансформируются в условия, при которых информированность любого участника рынка ценных бумаг на этапах *планирования, взаимодействия и контроля* будет достаточной для принятия ими правильных (эффективных) управленческих решений в части операций с ценными бумагами эмитентов, вращающимися на фондовом рынке и «обеспеченными объектами из портфеля интеллектуальной собственности эмитента», например:

— мониторинг потребительной значимости «портфеля интеллектуальной собственности» [6];

— мониторинг действия прав на состав ОИС в «портфеле интеллектуальной собственности» [3, 6];

— контроль (риски) появления аналогов ОИС из «портфеля интеллектуальной собственности» [3, 4, 6];

— обеспеченность страхования различных рисков объектов из «портфеля интеллектуальной собственности» [4];

— обеспечение баланса интересов правообладателей и авторов РИД из «портфеля интеллектуальной собственности» компании [3];

— другое, в том числе в зависимости от вида ОИС (объекты промышленной собственности, объекты авторского права, средства индивидуализации, ноу-хау, комплексные технологии и др.).

Источники раскрытия информации для финансовых инвесторов об объектах из портфеля интеллектуальной собственности эмитента:

— общекорпоративная отчетность эмитента;
— состав интеллектуальных активов эмитента; обеспечение баланса интересов эмитента, правообладателя и авторов РИД; направления и развитие исследований и разработок эмитента и др.;

— бухгалтерский баланс эмитента;
— официальные данные патентных ведомств, результаты патентных исследований;
— данные страховых компаний;
— данные налоговых органов по эмитенту;
— данные судебных процессов с участием эмитента;

— данные инновационных бирж (появление аналогов ОИС, конкурентов и др.);

— другое, по виду преобладающей ОИС из портфеля интеллектуальной собственности эмитента.

Выводы. Объекты интеллектуальных прав в составе портфеля интеллектуальной собственности эмитента ценной бумаги — основа высокотехнологичного бизнеса этой компании.

Для эффективного управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке необходимо соблюдение ряда условий:

а) наличие конкурентных преимуществ в выпускаемой продукции, предоставляемых услугах, обеспеченных активами в виде прав на объекты в составе портфеля интеллектуальной собственности эмитента ценной бумаги, подконтрольными компании (экономическая безопасность компании);

б) недопущение получения конкурентами сведений, раскрывающих сущность технических решений, лежащих в основе объектов из портфеля интеллектуальной собственности эмитента, используемых им для выпуска продукции/услуг (информационная безопасность компании);

в) возможность сбора доказательной базы для предъявления претензий по фактам незаконного использования интеллектуальной собственности эмитента (судебная защита);

г) информационная открытость эмитента ценной бумаги, обеспеченной портфелем интеллектуальной собственности, по отношению к финансовым инвесторам в целях повышения рыночной востребованности ценной бумаги эмитента;

д) обеспечение информационного баланса, так как пункт «г» противоречит пункту «б»;

е) другие условия, в зависимости от преобладающего вида ОИС из портфеля интеллектуальной собственности эмитента.

Общеизвестным инструментом для формализации различных процессов являются стандарты [12]. С учетом низкой информированности финансовых инвесторов фондовых рынков о специфике сферы интеллектуальной собственности очевидным является разработка соответствующего стандарта.

Поэтому в рамках Программы национальной стандартизации, в интересах становления и развития системы управления интеллектуальной соб-

ственностью на фондовом рынке как одного из ключевых условий инновационного развития России и других стран (ЕАЭС, СНГ и БРИКС), АО РНИИИС инициировал разработку нового национально-го стандарта «Интеллектуальная собственность. Управление на фондовом рынке», который предусматривает:

— разработку концепции проекта стандарта (актуальность, предметная область, цели, задачи и принципы управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке);

— определение предметной области, целей и задач управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке;

— формирование в соответствии с принципами стандартизации и с учетом специфики объекта регулирования требований, обеспечивающих эффективное управление интеллектуальной собственностью на фондовом рынке;

— определение правил и процедур для субъектов в области управления интеллектуальной собственностью на фондовом рынке.

Литература

1. Алдошин С.М. Об управлении рисками в сфере интеллектуальной собственности в рамках программы инновационного развития РАН / С.М. Алдошин, В.Н. Лопатин // Право интеллектуальной собственности. 2013. № 5. С. 3–14.

2. Валетдинова Э.Н. Интеллектуальная собственность как залоговое обеспечение при банковском кредитовании / Э.Н. Валетдинова // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 2. С. 23–29.

3. Лопатин В.Н. Право интеллектуальной собственности (учебно-методический комплекс) / В.Н. Лопатин. Издание МУМ, 2010. 205 с.

4. Лопатин В.Н. Управление рисками при инвестировании инновационного развития в рамках кластерной политики, или Как избежать имитации / В.Н. Лопатин // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 1. С. 19–23.

5. Прилипко С.Н. Систематизация законодательства в инновационной сфере как вектор государственной политики / С.Н. Прилипко, Ю.Е. Атаманова // Право интеллектуальной собственности. 2013. № 3. С. 16–20.

6. Мухопад В.И. Коммерциализация интеллектуальной собственности / В.И. Мухопад. М. : МАГИСТР — ИНФРА-М, 2010. 280 с.

7. Мескон М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. М. : Дело, 1997. 704 с.

8. Новицкий В.В. Внедрение процессного управления интеллектуальной собственностью в высшем учебном заведении как необходимое условие реализации инновационной политики государства / В.В. Новицкий // Право интеллектуальной собственности. 2010. № 3. С. 31–33.

9. Левин А.Б. Механизм управления интеллектуальной собственностью и экономические факторы, влияющие на ценообразование / А.Б. Левин // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 5. С. 25–27.

10. Валетдинова Э.Н. Интеллектуальная собственность как объект управления инновационным развитием предприятия на основе системного подхода / Э.Н. Валетдинова // Право интеллектуальной собственности. 2013. № 6. С. 25–30.

11. Лопатин В.Н. Стандартизация управления интеллектуальной собственностью в ОПК / В.Н. Лопатин // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 6. С. 11.

References

1. Aldoshin S.M. Ob upravlenii riskami v sfere intellektualnoy sobstvennosti v ramkakh programmy' innovatsionnogo razvitiya RAN [On Risk Management in the Intellectual Property Sector within the Framework of the Innovative Development Program of the Russian Academy of Sciences] / S.M. Aldoshin, V.N. Lopatin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2013. № 5. S. 3–14.
2. Valetdinova E.N. Intellektualnaya sobstvennost kak zalogovoe obespechenie pri bankovskom kreditovanii [Intellectual Property as Collateral in Bank Lending] / E.N. Valetdinova // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 2. S. 23–29.
3. Lopatin V.N. Pravo intellektualnoy sobstvennosti (uchebno-metodicheskiy kompleks) [Intellectual Property Law (study and methodology guide)] / V.N. Lopatin // Izdanie MUM — Published by IUM, 2010. 205 s.
4. Lopatin V.N. Upravlenie riskami pri investirovanii innovatsionnogo razvitiya v ramkakh klasternoy politiki, ili kak izbezhat imitatsii [Risk Management in Financing of Innovative Development within the Framework of a Cluster Policy, or How to Avoid Imitation] / V.N. Lopatin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 1. S. 19–23.
5. Prilipko S.N. Sistematizatsiya zakonodatelstva v innovatsionnoy sfere kak vektor gosudarstvennoy politiki [Systematization of Laws in the Innovation Sector as a State Policy Vector] / S.N. Prilipko, Yu.E. Atamanova // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2013. № 3. S. 16–20.
6. Mukhopad V.I. Kommertsializatsiya intellektualnoy sobstvennosti [Intellectual Property Commercialization] / V.I. Mukhopad. Moskva : MAGISTR — INFRA-M — Moscow : MASTER — INFRA-M, 2010. 280 s.
7. Mescon M. Osnovy menedzhmenta [Principles of Management] / M. Mescon, M. Albert, F. Khedouri. Moskva : Delo — Moscow : Business, 1997. 704 s.
8. Novitsky V.V. Vnedrenie protsessnogo upravleniya intellektualnoy sobstvennostyu v vy'sshem uchebnom zavedenii kak neobkhodimoe uslovie realizatsii innovatsionnoy politiki gosudarstva [Introduction of Process Management of Intellectual Property in a Higher Educational Institution as a Necessary Condition for Implementation of the State Innovation Policy] / V.V. Novitsky // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2010. № 3. S. 31–33.
9. Levin A.B. Mekhanizm upravleniya intellektualnoy sobstvennostyu i ekonomicheskie faktory', vliyayushchie na tsenoobrazovanie [The Intellectual Property Management Mechanism and Economic Factors Affecting Pricing] / A.B. Levin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 5. S. 25–27.
10. Valetdinova E.N. Intellektualnaya sobstvennost kak obyekt upravleniya innovatsionny'm razvitiem predpriyatiya na osnove sistemnogo podkhoda [Intellectual Property as an Object of Management of Innovative Development of an Enterprise Based on a Systemic Approach] / E.N. Valetdinova // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2013. № 6. S. 25–30.
12. Lopatin V.N. Standartizatsiya upravleniya intellektualnoy sobstvennostyu v OPK [Standardization of Intellectual Property Management in the Defense Industry Complex] / V.N. Lopatin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 6. S. 11.

Оценка результатов инновационного развития российских регионов (на примере Южного федерального округа)*

Булетова Н.Е., Шаркевич И.В.**

Цель. Определение особенностей и условий использования человеческого ресурса в разработке и развитии инновационной деятельности требует применения эффективных методов и способов оценки качества человеческого ресурса и той отдачи, которая идет на повышение конкурентоспособности региональной экономики и ее человеческого капитала. Существующие диспропорции в условиях и результатах социально-экономического и инновационного развития российских регионов требуют их корректного, достоверного ранжирования по актуальному набору показателей, и в результате — составления рейтинга.

Методы: методы статистического анализа, ранжирование, авторский метод эффективного ранжирования, методы системного подхода. **Выводы.** Роль человеческого фактора в появлении и развитии инновационных составляющих социально-экономического развития территорий очевидна, но по-разному используется в разных условиях и сферах, что связано как с проблемами в современной российской системе образования, так и с низкой степенью участия и потребностью в инновациях со стороны бизнеса и населения на местах, в масштабах муниципальной, региональной экономики, структуры малого предпринимательства по отраслям, форм государственного участия и поддержки одаренных детей и научных работников. Индекс развития человеческого потенциала, который рассчитывается по всем регионам страны, не дает полного представления о содержании интеллектуальной деятельности и результатах формирования, использования интеллектуальной собственности в масштабах региональной экономики. В качестве альтернативы можно предложить авторский подход к ранжированию и составлению рейтинга регионов страны по доступным показателям инновационного развития территорий, достоинством которого является эффективное ранговое распределение регионов, базирующееся на измерении степени нелинейности распределения всех субъектов РФ, учета их «разброса» между собой из-за существующих диспропорций в развитии. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает методологию ранжирования субъектов РФ с учетом особенностей их развития и диспропорций в ресурсном обеспечении. На примере показателей инновационного развития территорий представлен результат применения авторского метода эффективного ранга и определены сферы и условия его использования в целях мониторинга результатов государственного стратегического управления.

Ключевые слова: инновации, человеческий потенциал, порядковый ранг, эффективный ранг, нелинейность распределения, производительность труда, мониторинг результатов развития, рейтинг инновационного развития.

Purpose. Determining the features and conditions of using a human resource in the development and development of innovative activities requires the use of effective methods and methods for assessing the quality of a human resource and the impact that is on improving the competitiveness of the regional economy and its human capital. The existing imbalances in the conditions and results of socio-economic and innovative development of the Russian regions require their correct, reliable ranking based on the current set of indicators, and as a result - the ranking. **Methods:** methods of statistical analysis, ranking, author's method of effective ranking, systems approach methods. **Results.** The role of the human factor in the emergence and development of innovative components of the social and economic development of the territories is obvious, but it is used in different ways in different conditions and spheres, which is connected both with the problems in the modern Russian education system and with the low innovation of business and the local population. In the scale of the municipal, regional economy, the structure of small business by industry, the forms of state participation and support of gifted children and scientists. The human development index, which is calculated for all regions of the country, does not give a full idea of the content of intellectual activity and the results of the formation, the use of intellectual capital in the regional economy, an alternative approach is to suggest an authorial approach to ranking and ranking the regions of the country according to the available indicators of innovative development of territories, The advantage of which is the effective rank distribution of regions based on measuring the degree of nonlinearity of distribution of all RF subjects, taking into account their "spread" among themselves due to existing disproportions in development. **Discussion.** The conducted research develops the methodology of ranking and rating subjects of the Russian Federation taking into account the features of their development and disproportions in resource provision. Using the example of innovative development indicators of territories, the result of using the author's method of effective rank is presented and the scope and conditions of its use are determined in order to monitor the results of state strategic management. ***

Keywords: innovation, human potential, ordinal rank, effective rank, nonlinear distribution, labor productivity, monitoring of development results, rating of innovation development.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 16-06-00027 А «Закономерности эколого-экономического развития и их влияние на государственное стратегическое управление регионом».

** Булетова Наталья Евгеньевна, доцент кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат экономических наук. Электронный адрес: buletovanata@gmail.com

Шаркевич Игорь Вадимович, доцент кафедры социально-гуманитарных и математических дисциплин Волгоградского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, к.ф.-м.н. Электронный адрес: igo.shar@yandex.ru

Рецензент: Шалаев Дмитрий Сергеевич, ведущий научный сотрудник РНИИИС, ответственный секретарь журнала, кандидат экономических наук

*** Assessment of Results of Innovative Development of Russian Regions (on the Example of the Southern Federal District)

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Понимание высокой степени зависимости инновационного развития от состояния и условий развития человеческого потенциала требует адекватного и объективного представления результатов исследования вклада человеческих ресурсов в инновационное развитие экономики регионов России. В первую очередь отметим устойчивую тенденцию сокращения численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками на фоне неоднозначной динамики в сравнении с базисным 2005 г. (рис. 1) как в среднем по РФ, так и по регионам на примере ЮФО, и в меньшей степени в наиболее перспективных в развитии инноваций субъектах РФ (г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область).

Тенденция снижения интеллектуальной активности и потенциала наращивания интеллектуальной собственности подтверждается данными 2016 г., по которым общее количество заявок на выдачу патента РФ на изобретение, поступивших в Роспатент, уменьшилось и составило 91,37% по отношению к 2015 г., и произошло это из-за снижения выдачи патентов на полезную модель до 93,33% к 2015 г.

Степень различия в результатах и потенциале использования человеческого капитала для инновационного развития регионов особенно видна на рис. 2 при соотношении персонала, занятого в научных исследованиях и разработках, и численности всей рабочей силы:

— субъекты РФ — лидеры по привлекательности рабочих мест и востребованности инноваций со стороны бизнеса и власти — г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург, значительно превышают значения рассматриваемого показателя как по отношению к среднероссийскому уровню, так и по отношению к удаленным от федерального центра субъектам РФ на примере ЮФО;

— заметна общая тенденция к сокращению доли персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности рабочей силы на фоне роста последней за анализируемый период в среднем по РФ на 0,4% ежегодно с 2005 по 2015 г.; это свидетельствует, с одной стороны, о снижении привлекательности наукоемких рабочих мест для молодых представителей рабочей силы, с другой стороны, соответствует общей тенденции сокра-

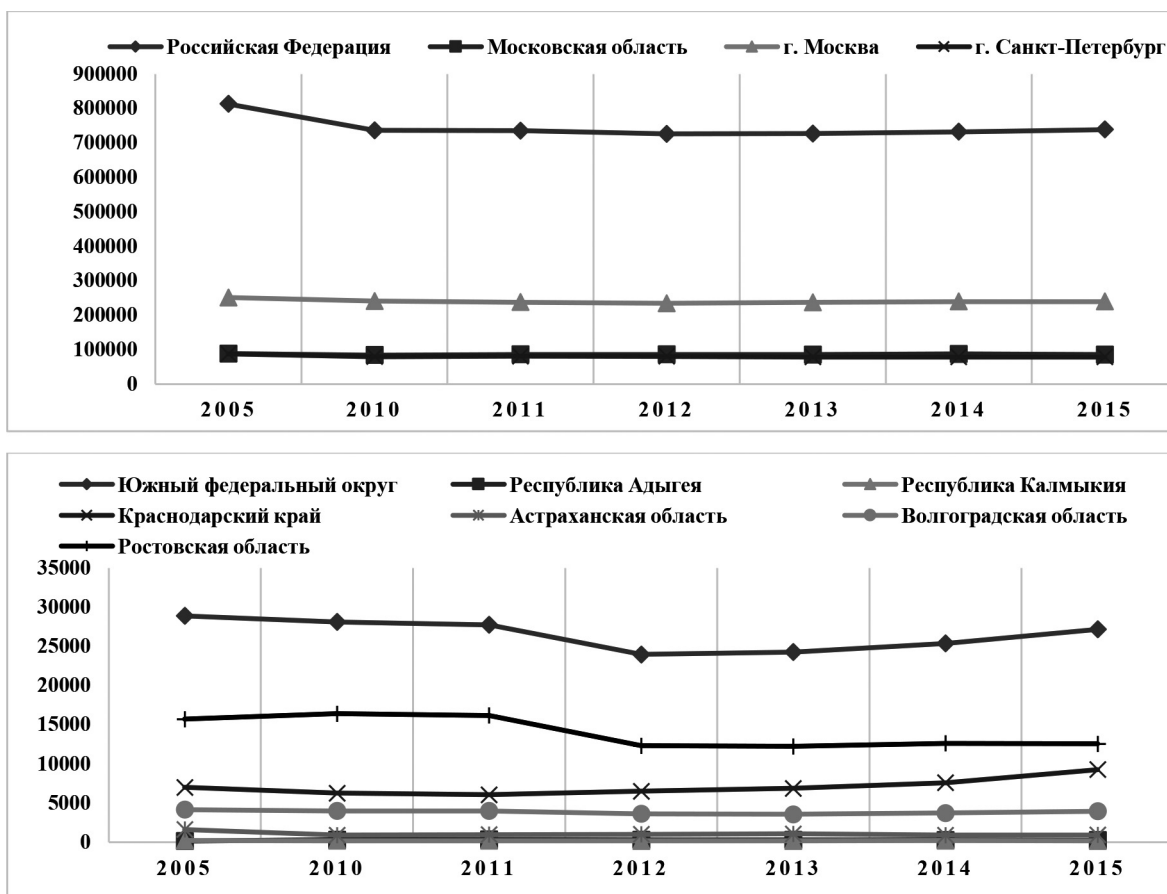

Рис. 1. Изменение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.

Источник: рассчитано авторами по данным сборника Росстата «Регионы России — 2016» [1]

Buletova N.E., Associate Professor of public administration and political science department of the Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration, PhD in Economy

Sharkevich I.V., Associate Professor of social-humanitarian and mathematical disciplines department of the Volgograd branch of the Russian Economic University G.V. Plekhanov, Ph.D in Physical and Mathematical

Reviewer: Shalaev D.S., Leading Researcher of RSRIIP, PhD in Economy, Executive Secretary of the Journal

щения численности занятых в отраслях экономики на фоне роста производительности труда и средней заработной платы, т.е. при условии роста интенсивности эксплуатации и отдачи от меньшего количества занятых в инновационной сфере экономики регионов в виде патентов и объема инновационных товаров, работ и услуг такая тенденция не является кризисной и не свидетельствует о негативных изменениях в инновационной сфере.

Несмотря на идентичные правовые и методические условия и требования формирования и защиты права интеллектуальной собственности в субъектах РФ, на практике можно наблюдать сильные диспропорции в экономической базе и интеллектуальном потенциале, в востребованности научных технологий и нематериальных активов у бизнеса, не зря отмечается невысокая востребованность инноваций у населения как потребителя и у предпринимателя как производителя инновационных товаров и услуг в большинстве регионов страны. И только правовыми мерами эту проблему не решить. Обеспечение востребованности, эффективности реализации права интеллектуальной собственности в нашей стране — вопрос государственного регулирования и управления, вплоть до проведения мероприятий по пропаганде, популяризации самого института интеллектуальной собственности и его роли в социально-экономическом развитии России и ее территорий.

Для оценки результатов такого развития, а главное — качества, эффективности работы исполнительной власти в регионах, на местах, популярно применять различные рейтинги и шкалы.

Например — представляемое Росстатом ранжирование и сформированный официальный рейтинг регионов России по ключевым для характеристики уровня социально-экономического развития показателям. Однако такие рейтинги представляют собой лишь упорядоченное ранжирование по порядковому номерам. Существующие подходы к подсчету рейтингов различных элементов — в экономической (примеры работ [2], [3], [4]), политической (пример работы [5]), социальной (примеры работ [6], [7]) сферах, основанных на статистических, экономико-математических подходах, имеют один общий недостаток — они не учитывают нелинейность распределения совокупности ранжируемых объектов.

Основываясь на предыдущих публикациях авторов, раскрывающих суть и порядок построения эффективного рейтинга субъектов РФ по выбранной системе показателей социально-экономического развития ([8], [9]), представим результат ранжирования выбранных для примера субъектов РФ по использованию человеческого потенциала их инновационного развития по данным 2015 г. В систему показателей, актуальных для эффективного ранжирования, включим: (1) поступление патентных заявок и выдачу патентов в России; (2) объем инновационных товаров, работ, услуг; (3) производительность труда персонала, занятого научными исследованиями и разработками (как отношение объема инновационных товаров, работ и услуг к численности занятых в инновационных разработках).

В таблице 1 представлены результаты расчета ранговых значений выбранных субъектов РФ двумя способами — по порядку и по авторскому подходу расчета эффективного ранга.

По результатам ранжирования, представленным в таблице 1, можно сделать ряд выводов:

- регионы-лидеры по заданным для ранжирования показателям инновационного развития — г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург, обеспечили лидирующие позиции как по порядковому ранжированию (1–3 места), так и по эффективному ранжированию, хотя диапазон рангов между г. Москвой и двумя другими лидерами имел разрыв от 1 до 757–927;

- проранжированные значения производительности труда в инновационной сфере, которые были рассчитаны авторами по формуле соотношения объема инновационных товаров, работ и услуг к численности занятых научными исследованиями и разработками, показали совершенно иное распределение субъектов РФ по обоим видам рангов, в результате можно констатировать, что в таких регионах, как Республика Адыгея, Астраханская область, эффективность работы персонала в научных исследованиях существенно выше, чем в федеральных центрах в объемах инновационных товаров, работ и услуг: если в Р. Адыгея производительность труда в инновационной сфере составила в 2015 г. 14,8 млн руб./чел., то в г. Москве — только 3,56 млн руб./чел., что в 4,2 раза ниже уровня Адыгеи. Причинами этого могут быть: особенности территориального перемещения продуктов инновационной

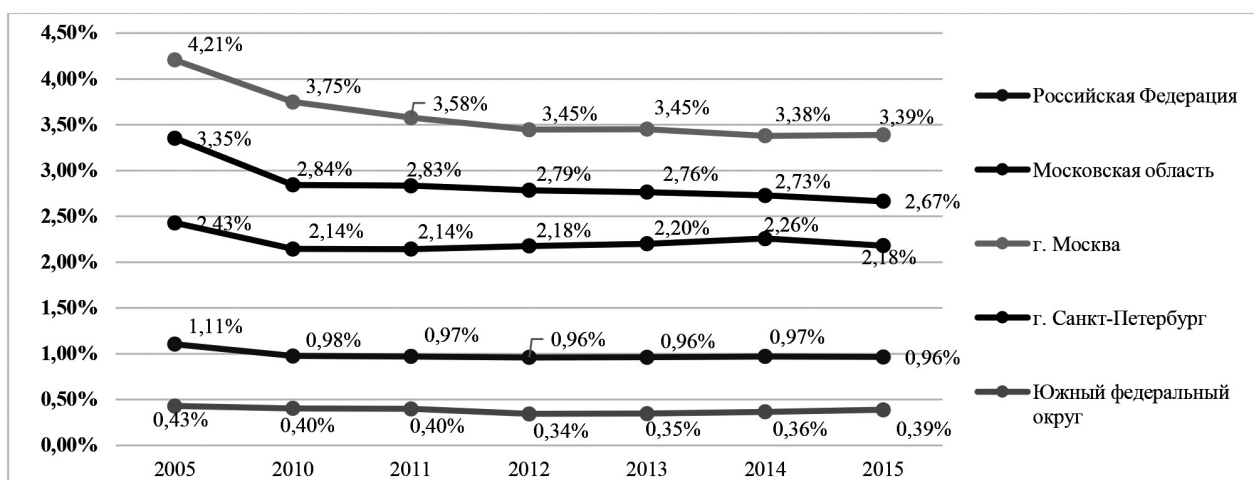

Рис. 2. Изменение доли персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности рабочей силы, в %

Источник: рассчитано авторами по данным сборника Росстата «Регионы России — 2016» [1]

Таблица 1

Результаты расчета эффективного ранга по показателям инновационного развития субъектов РФ в 2015 году

2015	Выдано патентов			Объем инновационных товаров, работ, услуг			Производительность труда персонала в инновациях		
	Всего, шт.	Эффективный ранг (макс = 1168)	Порядковый ранг (макс = 80)	всего, млн руб.	Эффективный ранг (макс = 1158)	Порядковый ранг (макс = 81)	всего, млн руб./чел	Эффективный ранг (макс = 1359)	Порядковый ранг (макс = 80)
г. Москва	8 510	1	1	851583,4	1	1	3,56	1336	47
г. Санкт-Петербург	2 366	844	2	210359,3	871	5	2,66	1342	52
Московская область	1 756	927	3	294032,1	757	3	3,42	1337	48
Ростовская область	727	1068	9	108526,9	1009	9	8,64	1301	23
Краснодарский край	632	1081	11	7400,4	1146	51	0,8	1354	64
Волгоградская область	427	1110	17	17281,1	1132	31	4,37	1330	42
Астраханская область	118	1152	48	11047,8	1141	44	11,84	1280	20
Республика Калмыкия	23	1165	71	4128	1150	56	0,11	2359	77
Республика Адыгея	5	1167	78	19,5	1156	71	14,8	1260	16

Таблица 2

Результат определения рейтинга инновационного развития субъектов РФ (по представленной выборке)

	Результат ранжирования № 1		Результат ранжирования № 2		Результат ранжирования № 3		Итоговый рейтинг (сумма рангов № 1, 2 и 3)	
	по эффективному рангу	по порядковому рангу	по эффективному рангу	по порядковому рангу	по эффективному рангу	по порядковому рангу	по эффективному рангу	по порядковому рангу
г. Москва	1	1	1	1	1336	47	1338 (1)	49 (2)
г. Санкт-Петербург	844	2	871	5	1342	52	3057 (3)	59 (4)
Московская область	927	3	757	3	1337	48	3021 (2)	54 (3)
Ростовская область	1068	9	1009	9	1301	23	3378 (4)	41 (1)
Краснодарский край	1081	11	1146	51	1354	64	3581 (7)	126 (7)
Волгоградская область	1110	17	1132	31	1330	42	3572 (5)	90 (5)
Астраханская область	1152	48	1141	44	1280	20	3573 (6)	112 (6)
Республика Калмыкия	1165	71	1150	56	2359	77	4674 (9)	204 (9)
Республика Адыгея	1167	78	1156	71	1260	16	3583 (8)	165 (8)

деятельности; «перегруженность» г. Москвы как федерального центра научными институтами, не обеспечивающими полного цикла движения инновации от «точек роста» до массового производства инновационной продукции.

Рассматривая перспективы развития или сохранения кадровых ресурсов для развития инновационного сектора региональной экономики, необходимо пересмотреть географическое распределение грантов и заявок на научные исследования в инновационной сфере в пользу наиболее эффективных, производительных человеческих ресурсов с учетом отдачи не только в форме выданных патентов, но и получаемой на выходе инновационной продукции, работ, услуг. Сохранение системы региональных грантов на примере деятельности РГНФ уже в составе РФФИ с переносом ответственности за поддержку заявок на органы исполнительной власти субъектов РФ позволит обеспечить прозрачность системы отбора и планируемых результатов в развитии региональной экономики от грантовой деятельности. Но самым важным является активное развитие системы выявления и поддержки в образовательной среде детей, способных обеспечивать формирование региональной экономики и развитие инноваций, и создавать им со стороны власти и бизнеса привлекательные условия для своей научной деятельности, чтобы обеспечивать инновационные направления развития экономики на местах.

Необходимо уточнить, что для составления рейтинга, например инновационного развития регионов, достаточно простого суммирования всех рассчитанных и представленных в таблице 1 рангов по подобранной системе показателей инновационного развития (табл. 2).

В скобках после рейтингового номера каждого из анализируемых регионов представлены номера их очередности следования друг за другом по возрастающим значениям рейтинга. Если по порядковому номеру рейтинг Ростовской области отличается от рейтинга г. Москвы на 8 пунктов (с 41 по 49), то по эффективному рейтингу можно констатировать, что г. Москва, получивший рейтинг 1338 и имеющий лучшее значение из всех выбранных для исследования субъектов РФ, отличается от той же Ростовской области, получившей рейтинг 3378, в 2,5 раза, или на 2040 рейтинговых мест.

Если наивысший рейтинг, который может получить субъект РФ, — это 3 (как сумма по трем наивысшим рангам с номером 1), а наименьший — 4682 (как сумма рангов с максимальными значениями по всем трем рангам из табл. 4), и провести построение ряда распределения с величиной равного интервала 1560, то можно разработать типологизацию регионов с делением на 3 группы и дать качественную интерпретацию регионов, включаемых в каждую из них (пример такой интерпретации — в табл. 3).

Таблица 3

Результат типологизации субъектов РФ по результатам ранжирования и составления инновационного рейтинга

1 тип — регионы с высоким уровнем инновационного развития (со значением рейтинга от 3 до 1563)	
г. Москва	1338
2 тип — регионы со средним уровнем инновационного развития (со значениями рейтинга свыше 1563 до 3122)	
Московская область	3021

г. Санкт-Петербург	3057
3 тип — регионы с низким уровнем инновационного развития (со значениями рейтинга свыше 3122 до 4682)	
Ростовская область	3378
Волгоградская область	3572
Астраханская область	3573
Краснодарский край	3581
Республика Адыгея	3583
Республика Калмыкия	4674

Рекомендация авторов брать за основу ранжирования субъектов РФ, например, для оценки результатов инновационного развития территорий, эффективный ранг, рассчитываемый по авторской методике (свидетельство Роспатента о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2017619388 «Вычисление эффективного ранга объектов по значениям их параметра») вместо порядкового, традиционно применяемого как в практике российских, так и зарубежных рейтинговых агентств, в практике мониторинга результатов государственного стратегического управления регионами России и их развитием, в том числе и инновационным, основывается в том числе на следующем выводе: пользователь таких рейтинговых оценок получит максимально достоверную с точки зрения сопоставления, сравнения объектов с разным и сильно не линейным между собой уровнем развития информацию, позволяющую принять более корректное, отвечающее действительной ситуации, управленческое инвестиционное решение.

Литература

1. Сборник Росстата «Регионы России — 2016». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
2. Бойко Г.А. Возможности использования корреляционно-регрессионной модели при построении банковских рейтингов / Г.А. Бойко, О.В. Асофская // Экономический вестник Ярославского университета. 2013. № 30. С. 46–50.
3. Горбанева О.П. Построение рейтинга регионов по бюджетным показателям / О.П. Горбанева, В.И. Сидельников // Инженерный вестник Дона. 2015. Т. 39. № 4–2 (39). С. 18.
4. Митихин В.Г. Ранжирование свойств текстильных материалов с использованием ранговых оценок и процедур анализа иерархий / В.Г. Митихин, А.В. Углов // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2010. № 1. С. 16–19.
5. Попов В.В. Специфика метода медиаметрических исследований: построение рейтингов эффективности российских политических партий / В.В. Попов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 141–149.
6. Басова М.М. Построение рейтингов организаций на основе анализа социальных аспектов их устойчивого развития / М.М. Басова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 1 (18). С. 126–135.
7. Харламова Е.Е. Роль мониторинга показателей эффективности в построении регионального рейтинга образовательных организаций / Е.Е. Хар-

ламова // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2014. № 31. С. 186–190.

8. Булетова Н.Е. Ранговый анализ региональных социально-экономических систем: усовершенствованный подход / Н.Е. Булетова, И.В. Шаркевич // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 10 (457). С. 17–27.

9. Булетова Н.Е. Структурный и ранговый анализ региональных социально-экономических систем: препринт / Н.Е. Булетова, И.В. Шаркевич. Волгоград: Изд-во ВФ РАНХиГС, 2016. 60 с.

10. Хрусталеv Е.Ю. Методы инновационной реструктуризации российского наукоемкого производственного комплекса / Е.Ю. Хрусталеv // Модели и методы инновационной экономики : сборник. М., 2014. С. 187–192.

References

1. Sbornik Rosstata «Regiony' Rossii — 2016» [Collection of the Federal State Statistics Service Russian Regions 2016]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

2. Boyko G.A. Vozmozhnosti ispolzovaniya korrelyatsionno-regressionnoy modeli pri postroenii bankovskikh reytingov [Possibilities of Using the Correlation-Regression Model in Scoring of Bank Ratings] / G.A. Boyko, O.V. Asofskaya // Ekonomicheskiy vestnik Yaroslavskogo universiteta — Economic Bulletin of the Yaroslavl University. 2013. № 30. S. 46–50.

3. Gorbaneva O.P. Postroenie reytinga regionov po byudzhetyam pokazatelyam [Rating Regions by Budgetary Ratios] / O.P. Gorbaneva, V.I. Sidelnikov // Inzhenerny'y vestnik Dona 2015. T. 39 — Engineering Bulletin of the Don. 2015. Vol. 39. №. 4–2 (39). S. 18.

4. Mitikhin V.G. Ranzhirovanie svoystv tekstilny'kh materialov s ispolzovaniem rangovy'kh otsenok i protsedur analiza ierarkhiy [Ranking Textile Material Properties Using Rank Assessments and Hierarchy Analysis Procedures] / V.G. Mitikhin, A.V. Uglov // Izvestiya vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy. Tekhnologiya tekstilnoy promy'shlennosti — News of Higher Educational Institutions. Textile Industry Technology. 2010. № 1. S. 16–19.

5. Popov V.V. Spetsifika metoda mediametricheskikh issledovaniy: postroenie reytingov effektivnosti

rossiyskikh politicheskikh partiy [Specifics of the Mediametric Study Method: Rating Russian Political Party Efficiency] / V.V. Popov // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie — Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. History of Arts. 2012. № 2 (82). S. 141–149.

6. Basova M.M. Postroenie reytingov organizatsiy na osnove analiza sotsialny'kh aspektov ikh ustoychivogo razvitiya [Scoring of Company Ratings Based on the Analysis of Social Aspects of Their Sustainable Development] / M.M. Basova // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment — News of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management, 2016. № 1 (18). S. 126–135.

7. Kharlamova E.E. Rol monitoringa pokazatelya effektivnosti v postroenii regionalnogo reytinga obrazovatelny'kh organizatsiy [The Role of Efficiency Ratio Monitoring in Regional Rating of Educational Institutions] / E.E. Kharlamova // Problemy' i perspektivy' razvitiya obrazovaniya v Rossii — Issues and Prospects of Education Development in Russia. 2014. № 31. S. 186–190.

8. Buletova N.E. Rangovy'y analiz regionalny'kh sotsialno-ekonomicheskikh sistem: usovershenstvovanny'y podkhod [Rank-Based Analysis of Regional Socioeconomic Systems: an Improved Approach] / N.E. Buletova, I.V. Sharkevich // Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika — Economic Analysis: Theory and Practice. 2016. № 10 (457). S. 17–27.

9. Buletova N.E. Strukturny'y i rangovy'y analiz regionalny'kh sotsialno-ekonomicheskikh sistem: preprint [Structural and Rank-Based Analysis of Regional Socioeconomic Systems: preprint] / N.E. Buletova, I.V. Sharkevich. Volgograd : Izd-vo VF RANKhiGS — Volgograd : publishing house of the Volgograd Branch of the RANEPa, 2016. 60 s.

10. Khrustalev E.Yu. Metody' innovatsionnoy restrukturizatsii rossiyskogo naukoemkogo proizvodstvennogo kompleksa [Methods of Innovative Restructuring of the Russian Science-Driven Production Complex] / E.Yu. Khrustalev // Modeli i metody' innovatsionnoy ekonomiki : sbornik. Moskva — Moscow, 2014. S. 187–192.

Региональный уровень государственно-правовой политики в сфере инновационного развития современной России (проблемы реализации правотворческой формы)

Трофимов В. В. *

Аннотация. В статье рассматривается проблема осуществления государственно-правовой политики современной России в области инноваций. Констатируется необходимость активизации региональной правотворческой политики в сфере поддержки и стимулирования инновационного развития. **Методы:** в качестве заглавных методов исследования применяются теория правовой политики, системный и формально-юридический подходы, правовая аналитика, интерпретационный способ и др. **Выводы.** Предлагается дефиниция понятия региональной правотворческой политики в сфере инноваций. В рамках российского конституционного поля устанавливаются параметры правотворческой компетенции региональных органов власти при проведении правотворческой политики в сфере инноваций. Формулируются практические рекомендации по вопросам определения задач и направлений реализации правотворческой политики в области инновационного развития субъектов Российской Федерации. Обосновывается значимость принятия в российских регионах единых нормативных актов (законов), на комплексной основе регулирующих отношения в сфере поддержки и стимулирования инноваций.

Ключевые слова: право, государство, общество, инновации, научно-технологическое развитие, государственно-правовая политика, правотворческая политика, конституционные основы, региональный уровень правотворческой компетенции, стимулирование.

Abstract. The article examines the problem of implementing state-legal policy of modern Russia in the field of innovations. The necessity of activating the regional law-making policy in the sphere of support and stimulation of innovative development is stated. **Methods:** as the main methods of research, the theory of legal policy, systemic and formal legal approaches, legal analytics, interpretation method, etc. are applied. **Results.** A definition of the notion of regional law-making policy in the sphere of innovations is proposed. Within the framework of the Russian constitutional field, the parameters of the law-making competence of regional authorities are established in the conduct of the law-making policy in the sphere of innovations. Practical recommendations are formulated on the definition of tasks and directions for the implementation of the law-making policy in the field of innovative development of the subjects of the Russian Federation. The significance of the adoption in the Russian regions of uniform regulatory acts (laws) based on a comprehensive basis regulating relations in the sphere of support and stimulation of innovations is substantiated. **

Keywords: law, state, society, innovations, scientific and technological development, state and legal policy, law-making policy, constitutional bases, regional level of lawmaking competence, stimulation.

Проблематика инноваций, внедрения и коммерциализации технологических новшеств в экономику стоит перед многими развитыми странами. Конкурирующие экономические интересы государств диктуют необходимость создания на национально-государственном уровне максимально комфортных условий (экономических, административных, правовых и пр.) для оптимизации процесса научно-технологической модернизации экономики, от чего зависит приоритетное положение субъектов экономической деятельности не только на национальном, но и на мировом рынке товаров, работ и услуг. Именно поэтому государственно-правовые доктрины разных стран призваны к формированию, а государственные структуры — к реализации на практике

соответствующих концептуальных основ юридического регулирования процессов инновационной (научно-технологической) модернизации экономики.

Такой вектор развития современной социально-экономической системы Российской Федерации особенно востребован. Говоря о значении инноваций для страны, В.В. Путин справедливо утверждает: «Российская экономика может не только покупать — она может порождать инновации. Наше место в будущем мире зависит от того, используем ли мы свои возможности» [1].

Вместе с тем в связи с развитием научно-технологической активности, инновационной деятельности возникает необходимость более целенаправленного государственно-правового воздействия на

* Трофимов Василий Владиславович, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, доктор юридических наук, доцент. Электронный адрес: ri.sls@tsutmb.ru

Рецензент: Городов Олег Александрович, член редколлегии, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, судья Третейского суда интеллектуальной собственности при Корпорации интеллектуальной собственности Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИИС)

** **The Regional Level of the State Legal Policy in the Innovative Development of the Modern Russia (Law Making Form Implementation Issues)**

Trofimov V.V., The Tambov State University of G.R. Derzhavin, Director of the Research Institute State-legal research, Doctor of jurisprudence, Associate Professor

Reviewer: Gorodov O.A., Member of Editorial Board, Professor of Law Faculty of St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, the Judge of the Arbitration court of intellectual property at Corporation of Intellectual Property of the National Scientific Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP)

данную сферу, формирование механизма которого также нуждается в комплексном и ориентированном на перспективу подходе. Этот подход содержится в таком особом виде управленческой и юридической деятельности, как (государственно-) правовая политика, о доктринальных характеристиках которой (научная обоснованность, системность, последовательность, нацеленность на позитивный результат и пр.) мы упоминали в целом ряде предшествующих работ [2; 3].

Одной из основных форм проведения правовой политики государством является правотворческая форма (тактика и стратегия разработки и принятия научно обоснованных и эффективных юридических решений нормативного характера) [4]. Если говорить о воплощении данной формы применительно к тем же инновационным процессам как предмету правового воздействия, то определенный функционирующий механизм на общефедеральном уровне здесь налажен. За последние годы последовательно приняты достаточно базовые и принципиальные федеральные законы и подзаконные акты в этой области, которыми закладываются основы целеполагания, формирования и реализации государственно-правового механизма сопровождения инновационного (научно-технологического) развития современной России. Это в том числе: Федеральный закон Российской Федерации от 26 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», а именно глава IV.1, которая была введена относительно недавно и непосредственно охватывает вопросы государственной поддержки инновационной деятельности [5]; Федеральный закон Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»» [6] (определяет организационно-правовой статус, юридические параметры функционирования инфраструктурного комплекса); Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р) [7]; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) [8] и др.

Проблемным аспектом государственно-правовой политики в сфере поддержки инноваций является то, что основную инициативу как в части воспроизводства самой идеи научно-технологического развития Российской Федерации, так и в части ее практической реализации (в том числе на основе соответствующих правовых мер: правотворческих, административно-правовых и пр.) принимает на себя федеральный центр, разрабатывая стратегии, программы, прогнозы либо принимая нормативные и властно-управленческие акты в области инноваций. Как достаточно верно замечает О.В. Кузнецова, обратиться к рассмотрению региональных аспектов федеральной инновационной политики заставляет «отсутствие сколько-нибудь явно выраженной инновационной составляющей непосредственно в региональной политике» [9, с. 11]. Региональный уровень властных компетенций, думается, в значительном плане действует в арьергардном ключе, выступая максимум исполнителем тех или иных решений федеральных органов власти по вопросам инновационного развития.

Однако этого явно недостаточно, чтобы оптимизировать надлежащим образом инновационный климат в регионах и добиться видимых результатов (в экономике, науке, образовании и т.д.). На региональном уровне также необходимо более активно выстраивать свою государственно-правовую политику в сфере инноваций и в чем-то действовать на

опережение (зная проблемы и нужды своих регионов, сильные стороны развития и пр.). Общая активизация инновационных отношений в государстве без привлечения ресурсов регионов (материальных, интеллектуальных, организационных) вряд ли возможна [10, с. 245].

Российский рынок инноваций, как представляется, так и не сделал кардинального рывка вперед, что во многом объясняется тем, что инновационные отношения продолжают развиваться довольно самостоятельно, без должного комплексного воздействия на таковые как со стороны федеральных органов власти, так и регионального уровня государственного управления. Предпринимаемые меры все еще не позволяют обеспечить приток в эту сферу крупных инвестиций, осуществлять масштабные инновационные проекты. Между декларациями и реальностью инновационного развития России все еще наблюдается разрыв, что достаточно отчетливо подтверждается приводимыми в научных исследованиях статистическими данными, демонстрирующими, что, несмотря на довольно высокую законодательную и институциональную активность в этой сфере (федеральные законы, концепции, программы; кластеры, технопарки, наукограды и пр.), качественных структурных трансформаций в экономике в плане усиления ее интеллектуально-инновационной составляющей пока не очень заметно [11].

Для преодоления известных проблем в этой области необходимо формировать механизм комплексной поддержки и развития инновационного сектора одновременно со стороны как федерального, так и регионального уровней властных компетенций. На уровне регионов должны изыскиваться возможности для осуществления целенаправленной работы в этом направлении и с надлежащим коэффициентом отдачи, понимая в данном случае не имитацию инновационной политики на региональном уровне, когда под прикрытием инноваций происходит очередное «освоение» многомиллиардных бюджетных средств (без какого-либо видимого позитивного эффекта) [12], а реальное улучшение инновационного климата в регионах. (В научной литературе предлагаются интересные схемы построения моделей инициации инновационной активности в регионах, заслуживающие научно-практического внимания [13].)

Формирование механизма государственно-правового воздействия на инновационную сферу социально-экономических отношений в субъектах Российской Федерации начинается во многом с регионального правотворчества. Но данное правотворчество должно осуществляться не конъюнктурно и поверхностно (создавая лишь видимость решения проблемы), а на системной и научной основе, в формате такого особого вида юридической деятельности, как правотворческая политика субъектов Российской Федерации (разновидность и основная форма правовой политики государственной власти регионов).

В контексте инновационного (научно-технологического) развития России региональную правотворческую политику можно определить как юридическую форму проведения государственной инновационной политики субъектов Российской Федерации, выражаемую в создании соответствующих правовых основ, построенную на научно обоснованных представлениях о том, какие действия в данной области правотворчества необходимо сделать в тактической плоскости, а какие — запланировать и реализовать в стратегическом аспекте. Цель региональной правотворческой политики в сфере инноваций —

разработка и принятие увязанных в единую систему нормативно-правовых актов, которые сформировали бы комфортные для науки и производственного сектора условия (включая соответствующие материальные и юридические гарантии), обеспечивающие заинтересованность в создании инновационных разработок, а также почву и выгодную для предпринимателей хозяйственно-правовую среду относительно внедрения инноваций в экономику.

С правовой точки зрения в части воздействия на инновационное развитие регионов прежде всего следует определить параметры полномочий региональных органов власти принимать правотворческие решения в данной области отношений. Сам же факт того, что субъекты Российской Федерации могут оказывать непосредственное воздействие (главным образом в формате поддержки и стимулирования) на формирование инновационного климата в стране, четко обозначен в Федеральном законе Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике», п. 1 ст. 16.2 «Субъекты и формы предоставления поддержки инновационной деятельности» которого гласит: «Государственная поддержка инновационной деятельности может осуществляться субъектами государственной поддержки, к которым относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, органы исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также соответствующие организации, через которые может осуществляться такая поддержка, либо способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации». При этом к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации закон относит в том числе «право принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о поддержке инновационной деятельности; право принятия и реализации программ и проектов субъектов Российской Федерации, направленных на поддержку инновационной деятельности» (п. 2 ст. 16.3) [5]. Это говорит о том, что региональным властям отводится прямая прерогатива оказывать поддержку инновационной деятельности и разрабатывать в этих целях комплекс правовых и властно-управленческих мероприятий, иными словами, на своем уровне осуществлять правотворческую политику в области инновационного развития субъектов Российской Федерации.

Определяющим правовым фактором реализации тактики и стратегии регионов по вопросу юридического обеспечения инновационного развития (региональной правотворческой политики в сфере инноваций) выступают конституционные положения, указывающие на те предметы ведения, где региональная власть, в том числе региональный законодатель, имеет право проявлять свою властную, прежде всего законодательную, инициативу, и осуществлять необходимые законодательные функции. Согласно Конституции Российской Федерации это: а) то, что входит в область совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ; и б) то, что не вошло в область ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ, а значит, осталось непосредственно в ведении субъектов РФ (ст. 71–73).

Статья 72 Конституции РФ непосредственно определяет те предметы совместного ведения, где субъекты Российской Федерации совместно с федеральным уровнем государственной власти способны проявлять правотворческую (законодательскую) активность. В пределах очерченного конституционными положениями предметного по-

ля деятельности (компетенций) региональные законодательные (нормативно-правовые) акты позволяют субъектам РФ решать различные вопросы, в той или иной мере связанные с инновационными отношениями:

- вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (п. в) ч. 1 ст. 72) (данное направление правотворческой активности региональных органов государственной власти уместно, если это необходимо для создания, например, инновационных кластеров (научно-технологических производственных комплексов), в отношении, безусловно, тех объектов, которые находятся в государственной собственности субъектов РФ);

- общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта (п. е) ч. 1 ст. 72) (что напрямую может быть связано с научно-образовательными основами инновационной деятельности);

- установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (п. и) ч. 1 ст. 72) (основа для введения и применения на региональном уровне в пределах соответствующей правотворческой компетенции методов налогового стимулирования инновационной деятельности);

- вопросы формирования административного, административно-процессуального, трудового, семейного, жилищного, земельного, водного, лесного законодательства, законодательства о недрах, об охране окружающей среды (п. к) ч. 1 ст. 72) (что также может быть связано с возможностями влияния на инновационный процесс путем мер административного воздействия, предоставления социальных гарантий участникам инновационных отношений и пр.) и некоторые другие.

За пределами исключительного ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации также остаются области, в той или иной мере связанные с сопровождением инноваций. Как представляется, все это достаточные конституционные полномочия на осуществление правотворческой работы, направленной на рациональную организацию и оптимизацию инновационной деятельности в регионах, и их на региональном уровне нужно использовать более активно.

Закон «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 2 ст. 16.2) констатирует: «Цели и основные направления государственной поддержки инновационной деятельности (далее — основные направления государственной поддержки) определяются в рамках Стратегии инновационного развития Российской Федерации, принимаемой Правительством Российской Федерации» [5]. Такая Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. была принята в 2011 г. [7]. Данная Стратегия разработана на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [14] в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике».

Применительно к регионам в этом аспекте также целесообразно, придерживаясь положений федеральной Стратегии, но учитывая специфику регионального уровня, разрабатывать и периодически обновлять адекватный современным вызовам Стратегический план в области инновационного развития регионов (возможно, как составную часть того стратегического планирования, к которому обязывает субъекты РФ Федеральный закон Российской

Федерации «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [15]) либо как отдельную Стратегию инновационного (научно-технологического) развития региона (республики, края, области и т.д.). И, соответственно, в рамках намеченной региональной Стратегии инновационного развития следует осуществлять комплексы правотворческих мероприятий.

Следует, однако, отметить, что поправки 2016 г. в закон [16], дополнительно указавшие на необходимость стратегического планирования научно-технологического развития Российской Федерации для федерального уровня (ст. 18.1), лишь косвенно подтверждают возможность разработки подобных стратегических планов для регионов на основе федеральных стратегий (ч. 4 ст. 18.1), но напрямую в числе документов целеполагания, прогнозирования, планирования данное направление работы в субъектах РФ не называется. Такой подход представляется не совсем четким и последовательным, создающим основу для «остаточного» понимания задач по научно-технологической модернизации в российских регионах.

Если вести речь собственно о правотворческой форме региональной инновационной политики, то первым и наиболее принципиальным шагом в этой области должна стать разработка в каждом из российских регионов специального комплексного закона «О государственной поддержке инновационного развития в субъекте Российской Федерации», в котором должны быть раскрыты основные понятия, относящиеся к области инновационных общественных отношений (специфике их регионального преломления), сформулированы принципы государственной региональной инновационной политики, должна быть определена компетенция органов власти регионального уровня в области регулирования инновационных отношений, должны быть выработаны организационные и правовые меры и механизмы поддержки инноваций в соответствующих субъектах РФ и т.п.

В ряде регионов такие акты существуют, однако они не всегда имеют комплексный характер. Вместе с тем сам опыт законотворчества в этой области следует более активно развивать и распространять по другим регионам, создавая основу для осуществления производного правотворчества и властно-управленческой деятельности по вопросам инновационного развития субъектов РФ, в том числе преодолевая известные трудности, которые могут проявляться в процессе реализации государственно-правовой политики регионов в сфере инноваций [17].

Предметом регулирования подобных комплексных законов могут становиться отношения по поводу государственной поддержки инновационной деятельности в регионах, которые возникают между субъектами Российской Федерации и государством в лице Российской Федерации, муниципальными образованиями, субъектами инновационной деятельности, включая субъекты инновационной инфраструктуры. Закон должен определять объекты, субъекты, направления, виды и формы государственной региональной поддержки инновационной деятельности, особенности отдельных видов и форм государственной региональной поддержки, порядок оказания поддержки субъектам инновационной деятельности в регионе, а также права и обязанности участников инновационных отношений в регионе.

Думается, такого рода кодифицированные акты регионов в сфере инноваций могут стать наиболее оптимальной формой законодательного регулирования инновационных отношений, четко определив правила взаимодействия между всеми участниками инновационных процессов. (Другой вариант,

связанный с внесением отдельных положений об инновациях в специальные законодательные акты регионов (административное, образовательное законодательство и пр.) менее удачен, так как чреват отсутствием должной системности, согласованности и целенаправленности, хотя полностью исключить его также не следует.)

Таким образом, наряду с федеральным уровнем организации и стимулирования инновационной деятельности необходимо проводить региональную правотворческую политику, которая должна выражаться в разработке тактики и стратегии юридической деятельности в рассматриваемой области отношений, в том числе в принятии комплексных нормативно-правовых актов в сфере поддержки инноваций в регионах. Правотворческие меры должны быть научно обоснованными, иметь системный характер и быть направленными на достижение позитивного результата, процесс разработки и принятия нормативно-правовых актов — юридико-технологичным, позволяя достигать целей правотворческой политики в области обеспечения инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации.

Целенаправленно осуществляемая региональная государственно-правовая политика в сфере поддержки инноваций позволит оживить экономику субъектов Российской Федерации, а России — занять достойное место в международном разделении труда, которая сможет предлагать мировому рынку не только сырьевые ресурсы, но и высокотехнологичную конкурентоспособную продукцию, создаваемую при непосредственном участии научно-производственных комплексов в регионах страны.

Литература

1. Путин В.В. «О наших экономических задачах». Программная статья в газете «Ведомости» / В.В. Путин // URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17888>
2. Трофимов В.В. Правовая политика в сфере инновационного развития современной России / В.В. Трофимов // Право интеллектуальной собственности. 2012. № 5 (25). С. 3–6.
3. Малько А.В. Правовая политика в современной России: проблема доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, В.В. Трофимов // Государство и право. 2013. № 2. С. 5–13.
4. Трофимов В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России / В.В. Трофимов // Государство и право. 2017. № 3. С. 5–14.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (с посл. изм. и доп.) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»» // Российская газета. 2010. 30 сентября. № 220.
7. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 216.
8. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.
9. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности / О.В. Кузнецова. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 392 с.

10. Грибовский А.В. Регулирование и государственная поддержка инновационной деятельности в субъектах РФ: состояние и проблемы / А.В. Грибовский // Наука. Инновации. Образование. 2012. № 12. С. 239–268.

11. Кузнецова Г.В. Инновационное развитие России: декларации и реальность / Г.В. Кузнецова // Право интеллектуальной собственности. 2015. № 4. С. 33–38.

12. Лопатин В.Н. Управление рисками при инвестировании инновационного развития в рамках кластерной политики, или Как избежать имитации / В.Н. Лопатин // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 1. С. 19–23.

13. Голобокова Г.М. Региональные особенности инновационного развития и формирования рынка интеллектуальной собственности / Г.М. Голобокова // Право интеллектуальной собственности. 2016. № 4. С. 22–28.

14. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (с изм. от 8 августа 2009 г. № 1121-р) // Собрание законодательства Российской Федерации 2008. № 47. Ст. 5489.

15. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. № 6418; URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406300016>

16. Федеральный закон Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 277-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля” и Федеральный закон “О стратегическом планировании в Российской Федерации”» // Российская газета. 2016. 13 июля. № 152.

17. Булетова Н.Е. Состояние и развитие инновационной деятельности в экономике Волгоградской области: взлеты и падения / Н.Е. Булетова, И.В. Шаркевич // Право интеллектуальной собственности. 2016. № 4. С. 29–32.

References

1. Putin V.V. «O nashikh ekonomicheskikh zadachakh». Programmnaya statya v gazete «Vedomosti» [On Our Economic Tasks. Policy Article in the Vedomosti Newspaper] / V.V. Putin // URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17888>

2. Trofimov V.V. Pravovaya politika v sfere innovatsionnogo razvitiya sovremennoy Rossii [The Legal Policy in the Innovative Development of the Modern Russia] / V.V. Trofimov // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2012. № 5 (25). S. 3–6.

3. Malko A.V. Pravovaya politika v sovremennoy Rossii: problema doktrinalnogo ponimaniya i formirovaniya [The Legal Policy in Modern Russia: the Doctrinal Interpretation and Development Issue] / A.V. Malko, V.V. Trofimov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2013. № 2. S. 5–13.

4. Trofimov V.V. Problemy' organizatsii i provedeniya pravotvorcheskoy politiki v oblasti innovatsionnogo razvitiya Rossii [Issues of Organization and Implementation of the Law-Making Policy in Innovative Development of Russia] / V.V. Trofimov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2017. № 3. S. 5–14.

5. Federalny'y zakon Rossiyskoy Federatsii ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ (s posl. izm. i dop.) «O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike» //

Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 1996. № 35. St. 4137.

6. Federalny'y zakon Rossiyskoy Federatsii ot 28 sentyabrya 2010 g. № 244-FZ «Ob innovatsionnom tsentre “Skolkovo”» // Rossiyskaya gazeta. 2010. 30 sentyabrya. № 220.

7. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii do 2020 g. : utv. rasporyazheniem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 8 dekabrya 2011 g. № 2227-r // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2012. № 1. St. 216.

8. Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii : utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 1 dekabrya 2016 g. № 642 // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2016. № 49. St. 6887.

9. Kuznetsova O.V. Regionalnaya politika Rossii: 20 let reform i novy'e vozmozhnosti [The Russian Regional Policy: 20 Years of Reforms and New Opportunities] / O.V. Kuznetsova. Moskva : Knizhny'y dom «LIBROKOM» — Moscow : LIBROKOM book house, 2015. 392 s.

10. Gribovsky A.V. Regulirovanie i gosudarstvennaya podderzhka innovatsionnoy deyatel'nosti v subyektakh RF: sostoyanie i problemy' [Regulation and State Support of Innovative Activities in Constituent Entities of the Russian Federation: the State and Issues] / A.V. Gribovsky // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie — Science. Innovations. Education. 2012. № 12. S. 239–268.

11. Kuznetsova G.V. Innovatsionnoe razvitie Rossii: deklaratsii i realnost [Innovative Development of Russia: Declarations and Reality] / G.V. Kuznetsova // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2015. № 4. S. 33–38.

12. Lopatin V.N. Upravlenie riskami pri investirovaniy innovatsionnogo razvitiya v ramkakh klasternoy politiki, ili Kak izbezhat imitatsii [Risk Management in Financing of Innovative Development within the Framework of a Cluster Policy, or How to Avoid Imitation] / V.N. Lopatin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 1. S. 19–23.

13. Golobokova G.M. Regionalny'e osobennosti innovatsionnogo razvitiya i formirovaniya ry'nka intellektualnoy sobstvennosti [Regional Peculiarities of Innovative Development and Establishment of the Intellectual Property Market] / G.M. Golobokova // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2016. № 4. S. 22–28.

14. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda : utv. rasporyazheniem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r (s izm. ot 8 avgusta 2009 g. № 1121-r) // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii 2008. № 47. St. 5489.

15. Federalny'y zakon Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ «O strategicheskoy planirovaniy v Rossiyskoy Federatsii» // Rossiyskaya gazeta. 2014. 3 iyulya. № 6418; URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406300016>

16. Federalny'y zakon Rossiyskoy Federatsii ot 3 iyulya 2016 g. № 277-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federalny'y zakon “O zaschite prav yuridicheskikh lits i individualny'kh predprinimateley pri osuschestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipalnogo kontrolya” i Federalny'y zakon “O strategicheskoy planirovaniy v Rossiyskoy Federatsii”» // Rossiyskaya gazeta. 2016. 13 iyulya. № 152.

17. Buletova N.E. Sostoyanie i razvitie innovatsionnoy deyatel'nosti v ekonomike Volgogradskoy oblasti: vzlety' i padeniya [The State and Development of Innovative Activities in the Economy of the Volgograd Region: the Rise and Fall] / N.E. Buletova, I.V. Sharkevich // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2016. № 4. S. 29–32.

Добросовестность как объект доказывания в доменном споре

Яценко Т.С.*

Цель. Расширение функционального назначения добросовестности в гражданском праве предопределяет усложнение судебной практики, вынужденной оперировать понятием, не раскрытым в законодательстве и требующим толкования при рассмотрении каждого конкретного спора. Добросовестность в доменных спорах является одним из критериев оценки поведения их участников. Наличие или отсутствие ее признаков может служить основанием для удовлетворения или отказа в удовлетворении иска. Вместе с тем попытки сформулировать единообразное определение понятия добросовестности заведомо обречены на неудачу в силу особой природы данной категории. В статье анализируется привязка понятия добросовестности к определенному стандарту поведения в сфере обращения доменных имен (объективный критерий), а также к субъективному критерию, когда незнание о возможных негативных последствиях регистрации или использования доменного имени (товарного знака) может свидетельствовать о добросовестности соответствующего субъекта.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальная собственность, добросовестность, нормы морали, доменное имя, товарный знак, регистрация, доменный спор, администратор доменного имени, правообладатель, злоупотребление правом, шикана, недобросовестное поведение, киберсквоттинг.

Purpose. Theoretical research of the concept of good faith in relation to domain disputes. **Methods:** the research based on analyses of the intellectual property rights legislation, legal customs as well as the judicial practice. **Results.** The concept of good faith in intellectual property law has no basis in the prevailing in society moral norms and in the objective standard of good faith behavior in the sphere of intellectual activity but in the subjective attitude of a person to his conduct and its consequences. **Discussion.** Court can assess the activity of the domain dispute participants on the ground of the standard of good faith conduct in the sphere of civil turnover, and taking into account whether the party concerned knew of the possible infringement of rights and legitimate interests of the other party during the process of the domain name registration. **

Keywords: civil law, intellectual property, good faith, morals, domain name, trademark, registration, domain dispute, domain name administrator, copyright holder, abuse of right, shikana, bad faith conduct, cybersquatting.

Первое доменное имя (symbolics.com) было зарегистрировано в 1985 г., а сегодня, спустя лишь несколько десятилетий, количество зарегистрированных доменных имен насчитывает сотни миллионов [1], что вполне объясняет и рост числа судебных споров в этой сфере. Причина таких споров преимущественно кроется в конкуренции прав на доменные имена и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг (прежде всего товарные знаки)¹, одним из условий разрешения которой является установление добросовестности (или, напротив, недобросовестности) участников спора.

Так, в соответствии с § 4(а) (i-iii) Единой политики по разрешению споров в связи с доменными именами, одобренной Интернет-корпорацией по присвоению названий и номеров (ICANN) [3] (далее — Политика ICANN), недобросовестность регистрации и использования спорного доменного имени выступает в качестве одного из трех обязательных условий аннулирования, передачи регистрации

или изменения данного объекта. Согласно справке Президиума Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров [2], признаком такой формы недобросовестного поведения как злоупотребление правом может являться «факт заявления лицом, зарегистрировавшим товарный знак, требования о запрете использования доменного имени, в котором используется обозначение, ранее ставшее широко известным благодаря лицу, использовавшему это обозначение в доменном имени». Таким образом, суд может оценивать степень добросовестности (недобросовестности) поведения не только администратора доменного имени, но и владельца товарного знака (правообладателя).

Поскольку и Политика ICANN, и судебная практика в качестве одного из условий отказа в защите прав на доменное имя или товарный знак рассматривают недобросовестное поведение соответствующих субъектов, то вполне объяснимо внимание ученых прежде всего к понятию недобросовестности [4, с. 14–20; 5, с. 52–59], которое чаще всего раскрывается посредством анализа тех примеров подобного поведения, которые даны в Политике ICANN. В частности, недобросовестными здесь признаются регистрация или приобретение доменного

¹ Не случайно отечественная судебная практика доменными признает исключительно «споры по использованию доменных имен, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками или иными средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» [2].

* **Яценко Татьяна Сергеевна**, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета ФГОУ ВО «Южный федеральный университет», доктор юридических наук, доцент. Электронный адрес: tat-yacenko@yandex.ru

Рецензент: **Калятин Виталий Олегович**, член редколлегии, главный юрист по интеллектуальной собственности ОАО «РОСНАНО», профессор Российской школы частного права, кандидат юридических наук

** **Good Faith as an Object of Proving in a Domain Dispute**

Yatsenko T.S., Chief of the Civil Law Department Southern Federal University Doctor of Jurisprudence, Associate Professor

Reviewer: Kalyatin V.O., Member of Editorial Board, Chief Lawyer in Intellectual Property «ROSNANO» Professor of the Russian School of Private Law, PhD in Law

имени исключительно с целью помешать деятельности конкурента, т.е. совершение шиканы.

Вместе с тем данные примеры не могут исчерпать всех вариантов недобросовестного поведения, которое усложняется и обогащается новыми характеристиками вместе с развитием гражданского оборота. Единственным постоянным признаком, устойчивой чертой недобросовестности является ее противоречие требованию добросовестности, установление содержания которой в сфере оборота доменных имен и составляет в этой связи особую задачу науки².

Уникальность добросовестности как правовой категории заключается в том, что она использует право для решения стоящих перед ним задач на протяжении уже нескольких тысячелетий, однако так и не нашла своего единообразного понимания ни в одной стране мира. Более того, несмотря на этот существенный ее недостаток, функциональное назначение доброй совести с течением времени лишь расширялось и в настоящее время в некоторых правовых системах предполагает признание ее всеобщим масштабом должного поведения участников гражданского оборота. Расширение функций данной категории в современном гражданском праве неизбежно привело к тому, что высоко амбивалентное и бесконечное в своей интерпретации понятие добросовестности подвергается сегодня небывалой систематизации и абстрактной догматизации [8, р. 20].

Несмотря на это, суды в процессе применения норм гражданского законодательства о добросовестности продолжают испытывать существенные затруднения. Данная проблема является общей для разных стран мира, включая Россию, в которой добросовестность не получила четкой интерпретации ни в судебной практике, ни в доктрине [9; 10, с. 103–116], хотя отечественное гражданское законодательство и ограничило сферу действия принципа добросовестности сферой осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей (п. 3 ст. 1 ГК РФ).

С целью решения данной проблемы в научной литературе предлагается раскрыть в законе понятие добросовестности, предусмотреть общие ее критерии, в том числе в сфере регистрации и использования доменных имен, чтобы суды смогли «наиболее объективно оценивать все представленные доказательства», не ущемляя права добросовестных администраторов [11, с. 78–87]. Вместе с тем в силу специфики самой категории добросовестности дать четкое определение ее понятия невозможно, поскольку его наполнение зависит не только от особенностей поведения участников конкретного судебного спора, но и от той сферы регулируемых гражданским правом общественных отношений, в которой этот спор возник. Иначе говоря, понятие добросовестности в корпоративном праве не может быть идентичным понятию добросовестности в праве интеллектуальной собственности. Поэтому не случайно, что, например, в США понимание доброй совести в контрактном праве отличается от ее понятия в праве корпоративном [12, р. 1–71; 13, р. 319–342]. И в целом иностранные ученые отмечают неясность понятия «добросовестность», невозможность дать такое его толкование, которое имело бы универсальный характер [14].

Единственное, что может сделать судебную практику в сфере разрешения доменных споров бо-

лее определенной, это формирование единообразного подхода к критерию, объективному или субъективному³, который должен быть положен в основу характеристики поведения участников спора.

Добросовестность как объективная категория в науке чаще всего связывается с определенным стандартом поведения, соотносимым с нравственными идеалами, соблюдение которого ожидается от членов общества и учитывается судом в процессе оценки поведения субъектов в конкретном споре. При этом само по себе наполнение этого идеала весьма дискуссионно не только в отечественной, но и в зарубежной цивилистической литературе. Например, российские авторы в основе добросовестности видят сложившуюся в обществе систему представлений о нравственном поведении в целом [16, с. 112]⁴. Аналогичный взгляд на понятие доброй совести является весьма влиятельным и в зарубежной научной литературе. Как честное, порядочное поведение ее рассматривают, например, в Германии [18, р. 472–473], Италии [19, р. 151], Чехии [20, р. 184]. В США начиная с конца XIX века не без влияния немецкой доктрины развивается понимание добросовестности (*good faith*) как честности намерений [21, р. 543]. Верховный суд Австралии признает, что категория добросовестности должна толковаться с учетом того обстоятельства, что она составляет предмет абстрактной нравственности [22, р. 294]. В целом поддерживающие данный взгляд зарубежные ученые относят добрую совесть к моральным ценностям, которые имеют значение независимо от права и могут использоваться для того, чтобы наполнить содержание правовых норм [23].

В действительности добросовестность весьма тесно связана с нравственностью, а потому обнаружение ее содержания моральных принципов вполне естественно, ведь мораль и право воздействуют на одну сущность, а любое осуществление гражданских прав в конечном итоге не должно противоречить нормам морали. Однако объективный критерий, лежащий в основе понимания доброй совести и опирающийся исключительно на мораль, не только осложняет судебную практику, которая вынуждена учитывать сугубо нравственные характеристики человека, такие как честность, порядочность и другие, толкование которых, безусловно, субъективно и малоприменимо, например, к юридическим лицам, но и создает определенную угрозу для стабильности гражданского оборота в целом, поскольку представления о нравственном поведении, стандартах честного поведения и тому подобных субстанциях являются весьма подвижными во времени и пространстве и находятся в зависимости от того, в каком социуме они формируются. Эти их свойства предопределяют невозможность устанавливать в каждом конкретном случае, какие из данных нравственных представлений более правильные, доминирующие в обществе. Речь может идти только об определенных шаблонах в общественном воспитании, которые, однако, довольно легко опровергаются с точки зрения иного национально-конфессионального, профессионального и тому подобных подходов. Поэтому и зарубежные ученые, и иностранные судьи признают, что понимание добросовестности с точки зрения морали мало-

² О значении принципа добросовестности в разрешении доменных споров см. также: [6, с. 47–50; 7, с. 5–16].

³ С этой точки зрения проблема доброй совести исследовалась еще дореволюционными цивилистами [15, с. 57–76].

⁴ Кроме того, специалисты, исследующие пределы осуществления исключительных прав, также нередко в своих исследованиях обращаются к нормам нравственности [17, с. 40–46].

информативно, поскольку при рассмотрении конкретного спора практически невозможно установить, действовали ли стороны честно и порядочно [14].

Следовательно, через наполнение стандарта добросовестного поведения нравственными представлениями решить проблему определенности понятия добросовестности невозможно.

В этой связи возникает вопрос о том, можно ли определить содержание этого стандарта через иные критерии добросовестности, не связанные с нравственностью. Попытка очертить данный стандарт, но только в отношении одной стороны доменного спора, была предпринята в Политике ICANN, параграф 4 (с) (i-iii) которой указывает на такие свидетельства добросовестности администратора, как использование им доменного имени «с целью добросовестного предоставления товаров и услуг», осуществление им законной некоммерческой или иной добросовестной деятельности без намерения ввести в заблуждение потребителей или нанести вред репутации товарного знака истца. Учитывается также широкая известность спорного доменного имени. При этом, как отмечается в Заключительном докладе ВОИС 1999 г. «The Management of Internet Names And Addresses: Intellectual Property Issues», свидетельства добросовестного поведения администраторов доменных имен могут являться наличие у них бизнес-плана, корреспонденции, отчетов и других свидетельств намерения использовать доменное имя добросовестно. Кроме того, регистрация доменных имен, которая обусловлена законными правами на свободу слова или отвечающими закону некоммерческими соображениями, также не может квалифицироваться как злоупотребление правом и является добросовестной [24].

Вместе с тем проверка соответствия поведения сторон определенному объективному стандарту таит в себе опасность того, что внешне правомерное действие может скрывать злоупотребление правом, последствия которого проявляются не сразу. На это обращают внимание и зарубежные авторы, указывая на то, что «даже самое опасное злоупотребление правом с помощью наиболее вопиющего недобросовестного использования доменного имени» может быть невосприимчивым к средствам правовой защиты, если администратор не действовал недобросовестно в момент регистрации доменного имени [1]. Как отмечает А.В. Даниленков, в международной практике разрешения доменных споров об отсутствии признаков недобросовестности может свидетельствовать пассивное владение доменом, когда администратор не предпринимает попыток к его отчуждению, в том числе путем обращения к владельцу прав на сходный или идентичный товарный знак. Такое поведение может быть признано недобросовестным лишь при наличии совокупности определенных условий, например, противопоставленности домена общеизвестному товарному знаку, непредставления отзыва на жалобу, сокрытия личности владельца домена «под ширмой приватности» [25]. Поэтому, если, например, администратор регистрирует доменное имя, сходное до степени смешения с общеизвестным товарным знаком, но ссылается на его использование с целью индивидуализации товаров или услуг, на первый взгляд с таким знаком не связанных, то, как отмечает Д.В. Кожемякин, все равно происходит «размытие бренда» [26, с. 112], что, безусловно, влечет за собой негативные последствия для владельца товарного знака.

С учетом сказанного альтернативой объективному пониманию добросовестности способен стать субъективный подход, который поддерживается ведущими отечественными учеными. В частности, В.С. Ем считает, что установление признаков добросовестности в поведении субъекта должно зависеть от того, знал ли он или нет об определенном факте объективной действительности [27, с. 401].

Очевидно, что и международная практика разрешения доменных споров, и отечественные суды опираются прежде всего на субъективный критерий оценки добросовестности участников доменного спора. Так, субъективный момент обнаруживается в указании Политики ICANN на такие виды недобросовестного поведения администратора доменного имени, как регистрация или приобретение доменного имени исключительно с целью его дальнейшей перепродажи или с целью помешать деятельности конкурента, когда администратор знает о недобросовестности своего поведения. Субъективный подход к оценке поведения обнаруживается и в том акценте, который сделан на общеизвестности товарного знака, с которым идентично или сходно до степени смешения доменное имя. Очевидно, что сам факт широкой известности товарного знака подтверждает недобросовестность администратора доменного имени, который, как предполагается, не может не знать, что его действия нарушают интересы правообладателя. Так, согласно, например, Закону США о защите от киберсквоттинга 1999 г. (Anticybersquatting Consumer Protection Act-ACPA) [28], недобросовестное намерение (bad faith intent) устанавливается судом с учетом в том числе степени, в которой товарный знак, включенный в доменное имя, является отличительным и известным.

Аналогичным образом и отечественная судебная практика при квалификации поведения администратора доменного имени в качестве недобросовестного обращает внимание на факт общеизвестности товарного знака [2; 29], а также учитывает факт того, что ответчик на момент регистрации доменного имени должен был и мог знать (или, напротив, не знал) о регистрации соответствующего товарного знака [30; 31]. В частности, именно субъективный критерий был применен в известном Постановлении Президиума ВАС РФ от 11 ноября 2008 г. № 5560/08 [32], в котором наряду с иными обстоятельствами было отмечено, что «общество «ДенСо» знало или не могло не знать о существовании правообладателя товарного знака denso — японской компании «Denso Corporation»».

Более того, Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ [33] возлагают именно на администратора ответственность за выбор доменного имени и за возможные нарушения прав третьих лиц, связанные с выбором и регистрацией доменного имени (п. 3.1.3). Таким образом, лицо, желающее зарегистрировать доменное имя, должно проявить активность и предпринять все необходимые усилия для того, чтобы узнать, не существует ли сходный или идентичный товарный знак.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что в отличие от весьма аморфного и неустойчивого объективного понимания добросовестности толкование ее понятия с субъективной точки зрения способно облегчить судам применение принципа добросовестности при разрешении доменных споров.

Литература

1. Christie A.F. Online Dispute Resolution — The Phenomenon of the UDRP / A.F. Christie // Melbourne Legal Studies Research Paper. 2014. № 681.

[Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2433380> (дата обращения: 10.02.2018).

2. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров» // СПС «Гарант».

3. URL: <https://www.icann.org/udrp/> (дата обращения: 04.02.2018).

4. Даниленков А.В. Гипотетические конструкции недобросовестности владельца доменного имени / А.В. Даниленков // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 6. С. 14–20.

5. Афанасьева Е.Г. Ответственность за нарушения исключительных прав на товарные знаки и иные средства индивидуализации / Е.Г. Афанасьева // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 52–59.

6. Кожемякин Д.В. Принцип добросовестности как правовая основа разрешения доменных споров / Д.В. Кожемякин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 47–50.

7. Гафиатуллина Т.С. О принципе добросовестности и его влиянии на гражданские правоотношения при рассмотрении споров о защите прав на товарный знак, связанных с администрированием доменных имен / Т.С. Гафиатуллина // Арбитражные споры. 2013. № 2. С. 5–16.

8. Teubner G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Differences / G. Teubner // Modern Law Review. 1998. Vol. 61. Pp. 11–32.

9. Постановление Пленума Верховного Суда от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

10. Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике / Ю.Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 103–116.

11. Перельгин К.И. Использование товарных знаков в доменных именах / К.И. Перельгин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. С. 78–87.

12. Houh E. The Doctrine of Good Faith in Contract Law: A (Nearly) Empty Vessel? / E. Houh // Utah Law Review. 2005. Vol. 2005. S. 1–71.

13. Nolan R. Good faith: what does it mean for fiduciaries, and what does it tell us about them? / R. Nolan, M. Conaglen // Exploring Private Law / edited by E. Bant, M. Harding. Cambridge University Press, 2010. S. 319–342.

14. Nowicki E. The Unimportance of Being Earnest: Reflections on Director Liability and Good Faith / E. Nowicki [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrn.com/abstract=921668> (дата обращения: 11.01.2018).

15. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 57–76.

16. Богданова Е. Добросовестность участников договорных отношений как условие защиты их субъективных гражданских прав / Е. Богданова // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 111–117.

17. Тюлькин А.А. Пределы осуществления исключительного права на средство индивидуализации / А.А. Тюлькин // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 1. С. 40–46.

18. Hesselink M.W. The Concept of Good Faith // Towards a European Civil Code / A.S. Hartkamp, E.H. Hondius, M.W. Hesselink, C.E. du Perron & M. Veld-

man, eds. The Hague, Boston & London : Kluwer Law International, 2004. S. 471–498.

19. Alpa G. Italian Private Law / G. Alpa, V. Zeno-Zencovich. New York : Routledge-Cavendish, 2007. S. 471–498.

20. Černý F. Short Flight of the Phoenix: A Few Thoughts on Good Faith, the Abuse of Rights and Legality in Investment Arbitration / F. Černý // Czech Yearbook of International Law. 2012. Vol. III. Public Policy and Ordre Public / editors A.J. Bělohávek, N. Rozehnalová. Praha, 2012. S. 111–207.

21. Black H.C. Dictionary of Law / H.C. Black. St. Paul, Minn. : West Publishing Co., 1891. 1253 s.

22. Barkehall-Thomas S. Change of position, good faith and unconscionability / S. Barkehall-Thomas // Private Law in Theory and Practice / edited by Michael Bryan. London, New York : Routledge-Cavendish, 2007. S. 289–313.

23. Wendel W.B. Legal Ethics and the Separation of Law and Morals / W.B. Wendel // Cornell Legal Studies Research Paper. 2005. № 05-011 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=687804> (дата обращения: 15.12.2017).

24. Froomkin A.M. A Commentary on WIPO's «The Management of Internet Names and Addresses: Intellectual Property Issues» / A.M. Froomkin [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2715664> (дата обращения: 08.02.2018).

25. Даниленков А.В. Интернет-право / А.В. Даниленков. М. : Юстицинформ, 2014. СПС «Гарант».

26. Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : дисс. ... канд. юрид. наук / Д.В. Кожемякин. М., 2017. 199 с.

27. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Статут, 2010. 1208 с.

28. URL: <https://jux.law/the-anti-cybersquatting-consumer-protection-act-acpa/> (дата обращения: 08.02.2018).

29. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 20 мая 2014 г. по делу № А40-102183/13 // СПС «Гарант».

30. Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2017 г. № 307-ЭС17-4496 по делу № А21-10484/2015 // СПС «Гарант».

31. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2017 г. № 15АП-3341/2017 по делу № А53-26274/2015 // СПС «Гарант».

32. СПС «Гарант».

33. URL: https://cctld.ru/ru/docs/project/algorithm/rules_ru-rf.pdf (дата обращения: 10.02.2018).

References

1. Christie A.F. Online Dispute Resolution — the Phenomenon of the UDRP / A.F. Christie // Melbourne Legal Studies Research Paper. 2014. № 681. URL: <https://ssrn.com/abstract=2433380> (accessed: February 10, 2018).

2. Postanovlenie Prezidiuma Suda po intelektualny'm pravam ot 28 marta 2014 g. № SP-21/4 «Ob utverzhdenii spravki po voprosam, vznikayuschim pri rassmotrenii domenny'kh sporov» // SPS «Garant».

3. URL: <https://www.icann.org/udrp/> (accessed: February 4, 2018).

4. Danilenkov A.V. Gipoteticheskie konstruktzii nedobrosovestnosti vladeltsa domennogo imeni [Hypothetic Bad Faith of a Domain Name Owner] / A.V. Danilenkov // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2014. № 6. S. 14–20.

5. Afanasyeva E.G. Otvetstvennost za narusheniya iskluyuchitelny'kh prav na tovarny'e znaki i iny'e sredstva

individualizatsii [Liability for Violations of Exclusive Rights to Trademarks and Other Individualization Means] / E.G. Afanasyeva // *Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law*. 2015. № 2. S. 52–59.

6. Kozhemyakin D.V. Printsip dobrosovestnosti kak pravovaya osnova razresheniya domenny'kh sporov [The Principle of Good Faith as a Legal Basis for Domain Dispute Resolution] / D.V. Kozhemyakin // *Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya — Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. 2013. № 1 (18). S. 47–50.

7. Gafiatullina T.S. O printsipe dobrosovestnosti i ego vliyaniy na grazhdanskoe pravootnosheniya pri rassmotrenii sporov o zaschite prav na tovarny'y znak, svyazanny'kh s administrirvaniem domenny'kh imen [On the Principle of Good Faith and its Impact on Civil Law Relations in Review of Trademark Right Protection Disputes Related to Domain Name Administration] / T.S. Gafiatullina // *Arbitrazhny'e spory' — Arbitration Disputes*. 2013. № 2. S. 5–16.

8. Teubner G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends up in New Differences / G. Teubner // *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. S. 11–32.

9. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda ot 23 iyunya 2015 g. № 25 «O primeneniі sudami nekotory'kh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // *Rossiyskaya gazeta*. 2015. № 140.

10. Fogelson Yu.B. Printsip dobrosovestnosti v rossiyskoy sudebnoy praktike [The Principle of Good Faith in the Russian Judicial Practice] / Yu.B. Fogelson // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2017. № 9. S. 103–116.

11. Perelygin K.I. Ispolzovanie tovarny'kh znakov v domenny'kh imenakh [Usage of Trademarks in Domain Names] / K.I. Perelygin // *Zhurnal Suda po intellektualny'm pravam — Journal of the Court of Intellectual Rights*. 2016. № 12. S. 78–87.

12. Houh E. The Doctrine of Good Faith in Contract Law: a (Nearly) Empty Vessel? / E. Houh // *Utah Law Review*. 2005. Vol. 2005. S. 1–71.

13. Nolan R. Good Faith: What Does it Mean for Fiduciaries, and What Does it Tell Us about Them? / R. Nolan, M. Conaglen // *Exploring Private Law* / edited by E. Bant, M. Harding. Cambridge University Press, 2010. S. 319–342.

14. Nowicki E. The Unimportance of Being Earnest: Reflections on Director Liability and Good Faith / E. Nowicki [Elektronny'y resurs — Electronic source]. URL: <http://ssrn.com/abstract=921668> (data obrascheniya: 11.01.2018).

15. Novitsky I.B. Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The Principle of Good Faith in the Draft of the Law of Obligations] / I.B. Novitsky // *Vestnik grazhdanskogo prava — Civil Law Bulletin*. 1916. № 6. S. 57–76.

16. Bogdanova E. Dobrosovestnost uchastnikov dogovorny'kh otnosheniy kak uslovie zaschity' ikh subyektivny'kh grazhdanskikh prav [Good Faith of Contractual Relation Participants as a Condition for Protection of Their Subjective Civil Rights] / E. Bogdanova // *Khozyaystvo i pravo — Economy and Law*. 2010. № 2. S. 111–117.

17. Tyulkin A.A. Predely' osuschestvleniya iskluchitel'nogo prava na sredstvo individualizatsii [Limits of the Exercising of an Exclusive Right to Individualization Means] / A.A. Tyulkin // *Patenty' i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2015. № 1. S. 40–46.

18. Hesselink M.W. The Concept of Good Faith // *Towards a European Civil Code* / A.S. Hartkamp, E.H. Hondius, M.W. Hesselink, C.E. du Perron & M. Veldman, eds. The Hague, Boston & London : Kluwer Law International, 2004. S. 471–498.

19. Alpa G. Italian Private Law / G. Alpa, V. Zeno-Zencovich. New York : Routledge-Cavendish, 2007. S. 471–498.

20. Černý F. Short Flight of the Phoenix: A Few Thoughts on Good Faith, the Abuse of Rights and Legality in Investment Arbitration / F. Černý // *Czech Yearbook of International Law*. 2012. Vol. III. Public Policy and Ordre Public / editors A.J. Bělohlávek, N. Rozehnalová. Praha, 2012. S. 111–207.

21. Black H.C. Dictionary of Law / H.C. Black. St. Paul, Minn. : West Publishing Co., 1891. 1253 s.

22. Barkehall-Thomas S. Change of position, good faith and unconscionability / S. Barkehall-Thomas // *Private Law in Theory and Practice* / edited by Michael Bryan. London, New York : Routledge-Cavendish, 2007. S. 289–313.

23. Wendel W.B. Legal Ethics and the Separation of Law and Morals / W.B. Wendel // *Cornell Legal Studies Research Paper*. 2005. № 05-011. URL: <https://ssrn.com/abstract=687804> (accessed: December 15, 2017).

24. Froomkin A.M. A Commentary on WIPO's «The Management of Internet Names and Addresses: Intellectual Property Issues» / A.M. Froomkin. URL: <https://ssrn.com/abstract=2715664> (accessed : February 8, 2018).

25. Danilenkov A.V. Internet-pravo [Internet Law] / A.V. Danilenkov. Moksva : Yustitsinform, 2014 — Moscow: Justice Inform, 2014. SPS «Garant».

26. Kozhemyakin D.V. Domennoe imya v sisteme obyektov grazhdanskikh prav : diss. ... kand. yurid. nauk [Domain name in the System of Civil Law Objects : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / D.V. Kozhemyakin. Moskva — Moscow, 2017. 199 s.

27. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. T. 1 [Russian Civil Law : textbook] / otv. red. E.A. Sukhanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 1208 s.

28. URL: <https://jux.law/the-anti-cybersquatting-consumer-protection-act-acpa/> (accessed: February 8, 2018).

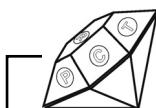
29. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda g. Moskv' ot 20 maya 2014 g. po delu № A40-102183/13 // SPS «Garant».

30. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 17 maya 2017 g. № 307-ES17-4496 po delu № A21-10484/2015 // SPS «Garant».

31. Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 29 marta 2017 g. № 15AP-3341/2017 po delu № A53-26274/2015 // SPS «Garant».

32. SPS «Garant» [Garant reference legal system].

33. URL: https://cctld.ru/ru/docs/project/algorithm/rules_ru-rf.pdf (data obrascheniya: 10.02.2018).

Русский Давос — 2018

Лидерство в цифровых технологиях не означает лидерства в цифровой экономике

В первый день Всемирного экономического форума, 23 января 2018 г., на площадке «Русского дома» в Давосе в рамках панельной сессии «Россия в глобальной цифровой повестке» (модератор: **Том Блэквелл** — генеральный директор, EM Communications, Швейцария) были обсуждены вопросы возможного вклада России в мировую цифровую экономику. В числе основных спикеров на сессии выступили **Николай Никифоров** — министр связи и массовых коммуникаций РФ, **Сергей Черёмин** — министр, руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей Правительства Москвы; **Сергей Горьков** — председатель Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», **Андрей Кузнев** — президент, председатель правления, член совета директоров АО «ЭР-Телеком Холдинг», **Кирилл Варламов** — директор Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ), **Александр Бородич** — основатель блокчейна Universa, **Александр Иванов** — генеральный директор Waves Platform.

Общим лейтмотивом выступлений стало предствление лидерских позиций России в мире на глобальном рынке цифровых технологий. Так, 75% населения России имеет возможности к широкополосному доступу в Интернет (в мире — 49%), что выводит Россию на 1 место в Европе и 6 место в мире. По данным ВЭФ, Россия, благодаря высокому уровню конкуренции, занимает 2 место в мире по самым низким ценам на мобильную связь и мобильный Интернет и 10 место в мире по самым низким ценам на фиксированный Интернет. Русскоговорящие основатели технологии «блокчейн», в нижнем технологическом уровне как сложной технологии, уже сегодня доминируют в мире. Рынок «больших данных» в РФ может составить в ближайшие годы 40 млрд дол. США, а «Интернет вещей» поможет создать в РФ самостоятельный сектор экономики.

Выступивший на сессии **Владимир Лопатин** — генеральный директор Корпорации интеллектуальной собственности РНИИИС, председатель межгосударственного технического комитета по стандартизации «Интеллектуальная собственность» — обратил внимание на вопросы интеллектуальной собственности, поскольку именно в них кроется основной потенциал конкурентоспособности России в цифровой экономике. По его оценке, *лидерство в цифровых технологиях не означает лидерства в цифровой экономике*. История последних

150 лет говорит об этом, когда национальные открытия и изобретения (от самолетостроения до электричества) получали иностранных правообладателей, которым мы платили и платим по сей день за право использовать эти технологии для целей своего инновационного развития.

Доля «четвертой корзины» — продаж интеллектуальной собственности — в мировой торговле выросла в XXI столетии в 4 раза и составляет более 15% мирового ВВП, с переходом к цифровой экономике ее доля будет расти дальше (до 30% — в ближайшие пять лет). Заявленные Россией амбиции стать лидером в отдельных отраслях цифровой экономики означают необходимость формирования экономических механизмов создания добавленной стоимости от интеллектуальной собственности в ценообразовании товаров, работ и услуг с использованием цифровых технологий. В то же время, по жесткой оценке Президента России, доля России по этому показателю в 2013 г. — менее 1%, что соответствует и данным Минкомсвязи России в 2017 г. — более 75% используемого в РФ программного обеспечения — иностранное, а в производственном ПО — более 83%. С другой стороны, нужны правила формирования и регулирования этого рынка, поскольку в сфере интеллектуальной собственности в двух областях (правовая охрана и правовая защита) действуют национальные законы и международные договоры, а в области коммерциализации, где создается добавленная стоимость, господствуют правила и стандарты транснациональных корпораций. Поэтому, чтобы прекратить монополию и недобросовестную конкуренцию со стороны ТНК и стать продавцами, а не покупателями, необходимо принятие национальных и международных стандартов и создание специального подкомитета в ИСО.

По оценке министра связи и массовых коммуникаций РФ **Н. Никифорова**, «то, что сказано, это правильно... это нужно делать, мы готовы этим заниматься, надо обменяться контактами и подумать, что можно практического сделать».

Полная запись сессии, которая шла в режиме прямой интернет-трансляции, представлена по адресу: <http://houserussia.com/programme/business-programme/>

«Интеллектуальная энергетика» без интеллектуальной собственности

Во второй день Всемирного экономического форума, 24 января 2018 г., главной темой Русского Давоса стала центральная панельная сессия «**Конкурентоспособность России на мировом энергетическом рынке**» (модератор: **Райан Чилкот** — телеведущий, специальный корреспондент, PBS NewsHour). В рамках сессии в числе основных спикеров выступили: **Александр Новак** — министр энергетики РФ, **Вагит Алекперов** — президент, член совета директоров и председатель правления ПАО «ЛУКОЙЛ», **Дэниел Ергин** — вице-председатель IHS Markit, **Дмитрий Конов** — председатель правления ПАО «СИБУР Холдинг», председатель правления ООО «СИБУР», **Денис Храмов** — заместитель председателя правления ПАО «НОВАТЭК».

Выступивший на этой сессии **Владимир Лопатин** — генеральный директор Корпорации интеллектуальной собственности РНИИС — вновь обратил внимание на вопросы интеллектуальной собственности, поскольку именно в них кроется один из основных ресурсов конкурентоспособности России в XXI столетии, в том числе в сфере энергетики.

В частности, он отметил, что, с одной стороны, впервые при нынешнем российском министре энергетики перспективы развития отрасли определены не сроками его пребывания в должности, а в прогнозе развития на период до 2035 года с позиций конкурентоспособности в мире, где заявлены амбиции России перейти из сегодняшней пятерки мировых энергетических лидеров в ТОП-4 и ТОП-3. С другой стороны, ни в одном из стратегических документов развития отрасли (Стратегия и госпрограмма до 2020 г., Прогноз развития на период до 2035 г., дорожная карта и др.) в программных и целевых показателях вообще не нашли отражения вопросы развития отраслевого рынка интеллектуальной собственности, тогда как продаются, как известно, не создаваемые технологии, а исключительные права на них. При этом, согласно Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы, особое внимание в государственной политике будет уделяться сфере интеллектуальной собственности, включая повышение эффективности управления правами на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с привлечением бюджетных средств.

С комментариями к вопросам выступления В. Лопатина о возможной корректировке стратегических документов и включении в них программной цели — развитие отраслевого рынка интеллектуальной собственности (вслед за авиапромом России) — выступили **Аркадий Дворкович**, вице-премьер Правительства России (руководитель российской делегации на ВЭФ в Давосе), **Александр Новак**, министр энергетики РФ, и **Дмитрий Конов**, председатель правления ПАО «СИБУР Холдинг».

В частности, А. Дворкович подчеркнул, что у России уже есть прорывные технологии, которые интересны миру, но далеко не всегда, их нужно патентовать, чтобы извещать об этом всех. При этом он признал необходимость определенной корректировки в этой части Стратегии развития отрасли, над проектом которой завершается в настоящее время работа в Правительстве России.

Экономика интеллектуальной собственности вместо «экономики знаний»

В третий день Всемирного экономического форума, 25 января 2018 г., главной темой Русского Давоса стала центральная панельная сессия «Россия: новый производственный центр»

(модератор: **Райан Чилкоут**, телеведущий, специальный корреспондент PBS NewsHour). В рамках сессии в числе основных спикеров выступили: **Максим Орешкин** — министр экономического развития Российской Федерации; **Йосси Бен Аммар** — президент в Европе, России, Африке и на Ближнем Востоке, MSD; **Хемант Канория** — председатель совета директоров, управляющий директор SREI Infrastructure Finance Limited; **Дмитрий Конов** — председатель правления ПАО «СИБУР Холдинг»; **Андрей Кузьев** — президент АО «ЭР-Телеком Холдинг»; **Хайнц Халлер** — исполнительный вице-президент Dow Chemical.

Выступивший на этой сессии **Владимир Лопатин**, генеральный директор Корпорации интеллектуальной собственности РНИИС, поблагодарил организаторов и ведущего сессии за возможность общения, а также участников сессии за понимание актуальности вопросов интеллектуальной собственности, которыми традиционно закончилась и эта встреча, поскольку инновационная, «цифровая» и «интеллектуальная» экономика невозможна без участия интеллектуальной собственности в процессах создания добавленной стоимости.

Обращаясь к министру экономического развития Российской Федерации **Максиму Орешкину**, он подчеркнул, что это министерство — ключевое в определении программных показателей и целевых индикаторов, как для общенациональных, отраслевых и региональных стратегий и программ, так и для программ инновационного развития госкорпораций и компаний с государственным участием. По существующим показателям Россия, занимая 8 место в мире по расходам на исследования и разработки (около 900 млрд рублей, из которых более 85% — бюджет) и 6–7 место в мире по патентным заявкам и патентам, в то же время имеет менее одного процента в создании добавленной стоимости от интеллектуальной собственности. Чтобы прекратить эту пораженческую политику бесплатного информирования наших конкурентов через публикации и патентные заявки, необходим решительный отказ от показателей так называемой «экономики знаний» и переход к рыночным показателям «четвертой корзины» мировой торговли, в частности: доля интеллектуальной собственности в ценообразовании товаров, работ и услуг с использованием новых технологий, права на которые и создают добавленную стоимость.

На публичные сомнения министра — как это посчитать — руководитель единственной в СНГ и ЕАЭС корпорации интеллектуальной собственности выразил готовность помочь федеральному ведомству в отработке таких механизмов, которые давно используются во всем мире.

Полная запись сессий ВЭФ, которая шла в режиме прямой интернет-трансляции, представлена по адресу: <http://houserussia.com/programme/business-programme/>, а также на сайте РНИИС.

